
ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Нижний Новгород
2015

ДМИТРИЙ ЛАРИОНОВ

(Нижний Новгород)

Шественик

Начало – имело место. И отцы уронили семя.
Матерясь – выпекали сдобу.
Глиняное тесто. Появление человека.
А после – в прорубь...

Дорогу – завтра. Надета обувь. И сена запах
В дуге аорты (щекочет сердце) – набрал и замер.
Просрочил юность. В тебя глазами смотрело небо.
Над сухоходольным лугом ветра ходили.

И ты не слышал. Просил лишь яблок. Для той, что будет –
Немного лилий. Влекомый веком – не стал героем,

Собой – на трассе, ходьбе – не строим.
Лишь человеком.

Перспектива

Пролетая над каньоном,
чайка – становится галочкой.
Даль ограничивается зеленым
лесом. В поднебесное, сине-алое
смотрит девочка. Распустила волосы.
Щурится. Солнце на медальоне.

Жизнь – цветоносные полосы
дней недели. В ее ладонях.

Пролетая над каньоном,
ласточка – становится точкой.
Когда бы мог подобрать синоним
– сообщил б иначе, а вновь – отсрочка.
Расстояния не намажешь на хлеб,
о тебе лишь слова – упорядочил.
Наутро, в каждый пробел
ставил точки и галочки.

Птиц рисовать
не умею.

Осознание

Дикая ягода горчит
на языке. Нет больше слов,
есть мысли. Молчи.
Над городом – светло.
Что привело
тебя?..

Скребя в кармане мелочью
/эквивалент как равноценность/,
под ругань пьяной сволочи,
постой один.

...а знаешь, Дим!
Её плевки на серость
асфальтовую, брусчатку и бетон
/пardon, у фонаря разлитая моча – не в счёт/ –
повадки дикарей; должно быть, чёрт
летающим мыслям шепчется вдогон...

Тебе – в другой вагон.

И не иначе – увидал, когда
среди полей ты вышел:
повилика одуванчик
задушила/обняла?

Одна пчела была
на них дана Всевышним.

Одна пчела.

* * *

На этих землях – так уже четвертый год:
начало августа, дожди...
и я не говорю о том, что было до
нашей встречи. Я среди

деревьев и людей, свой путь держу
от детства – вплоть – к любви,
и предпочтя рисунок – чертежу,
окрашиваю пазлы. Черновик

в себе хранит немало сложных строк,
рискуя двигаться по ним,
чуть вверх скользнут, наискосок,
твои глаза. Необозрим

полет воображения. Тысячи крупиц
и мелочей – пусти в слова –
и это будет жизнь.

Так в скромном городе без птиц,
где неба с просинью – овал,

мы часто смотрим вниз,

друг другу под ноги. И что я знал?

Что стрекотание цикад в сырой траве –
/притом, от звезд был берег бел/
в себя вбирало сорок децибел.
Я крайне долго не трезвел.

Я половинен был.
Но спину гнуть – устал.
С волос стряхнувши пыль,
Начало августа – переживал.

Я тысячи крупиц и мелочей
пустил в свои слова.

И смыслов истинных – ковчег –
тонул. Досада – такова.
И что я знал? Едва...

едва я говорил о том, что было до...

* * *

Финальный твит. По вертикали – численник недель;
щебечет на Кгоогах восьмой альбом «Хронопа» –
две банки и картофель положил в портфель,

а дверь – на ключ. Социальным автостопом
добрался до больницы. В палате из окна –
дворы и полусвет. Накрапывает осень.

Пусть алчет правды верный друг, но болтуна
в себе убей. Такого – здесь не произносят.

ОЛЕГ РЯБОВ

(Нижний Новгород)

Темучин

Был молодым – степи пели иначе,
Пели о легкой наживе, удаче.
Виделось море с высоких курганов,
Мнились стада лошадей и баранов,
Лучшие женщины строили глазки,
Мир обещал ему славу и ласки.
Всё получилось! Что же не весел?
Или предчувствие гибельной вести?

– Всё получилось: во всей Поднебесной
Мир и порядок. Мне — слава и песни.
Только вот спится тревожно и плохо —
Совесьть разбухла и сердце иссохло.
Там, где когда-то душа трепетала,
Видно, уже ничего не осталось.
Всё мне казалось – успею, успею!
И пролетал, расстилаясь над степью.
Но не успел и уже не сумею.
Если по правде, и прав не имею
Стать беззаботным, весёлым и тонким
Стеблем ковыльным – и жеребёнком...

***

Г. Красникову

Нет, я не первый. Я последний.
Я подбираю отстающих:
Соратников, друзей, соседей,
Уставших, медленно идущих,
Больных и так, без веры в Бога.
Я слёзно всех вперед смотрящих
Прошу: «Вы, знающие, где дорога,
Оглядывайтесь назад почаще».

ИРИНА ДЕМЕНТЬЕВА

(Нижний Новгород)

Сердце города

В Нижнем у людей дома каменные,
а сердца железные...
Преданием приписывается св. Алексею

Шел божий странник улицей ночной,
Просился на ночлег у каждой двери.
Никто его не принял на постой,
Никто святому старцу не поверил...
Был странник этим фактом уязвлен.
И крова не найдя, где смежить веки,
Он город весь со всем его жильем
«Жестокосердным» заклеил навеки...

Да, город мой суров, и люди в нем.
Умели здесь расправиться с ворами,
Захватчиков встречать лихим огнем,
Гостей, напротив, – добрыми дарами...
Поставленный на нижнем рубеже
Как часть оборонительного круга,
Привык мой город быть настороже
И ждать врагов. Да не признал вот друга...
Купчина здешний цену знал замкам:
Железом крепким заперал он лавку.

Раз сказано, что Нижний, мол, «карман»,
Так был карман застегнут на булавку.

Всегда мой город ссыльных привечал
И уважал соседа-иноверца.
Но никому не отдавал ключа
Ни от ворот, ни от большого сердца.
И нынче здесь не всяк – добряк с лица.
А все ж не злее, чем во всей России.
Встречались мне железные сердца,
Но чаще все же – добрые, живые.

А зацепилась вот репьем за ворот
Та байка про «железные сердца»...
И страшно мне за мой любимый город,
Как боязно за старого отца:
Он пережил утраты и увечья
Он бережет свой каменный уют...
Но как укрыться от недобрых встречных?
Прознают, что в нем сердце чуждое,
Да и убьют...

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

(Нижний Новгород)

Антипушка

повесть-сюрприз

(сокращённый вариант)

Вступление

Розовый рассвет – жидкий, напрасный, беспричинный – струился так беспомощно, так зряшно, словно заболел кто-то! Словно занедужилось, занеможилось, а нет такой пилюльки, такой микстурочки – полынной, медуничной, дабы унять болезнь-то. Эх, приходите, спомогните нам! Заварите корешков лекарственных, трав росных, цветиков пыльцовых, мохнатеньких! Ой, ой! А сначала за водой сходите. У нас один родничок, и тот – внизу, под горой, пока идёшь, всё о чём-то думаешь, размышляешь, а сердце так щемит, так щемит – смертно! Въедливо! Мухоморно! Словно внутри осы, под рёбрами, под аортой гнездо мастерят. И такое прихотливое, узорчатое, с выемками, тайными ходами, шлагбаумами и воротами дубовыми. И так жалят они, падлы! Попробуй, тронь!

Но всё-таки и от них польза! Значит, живое сердце, если так густо и кровянисто сжимается! Значит, не всё ещё потеряно. Спасти можно. Вот водицы принесу, травок заварю, три дня настою, а на четвёртый по три чайных ложечки в день пейте! Оно и утихнет. Уйдёт. Затянется. Заволокнется.

Всем помогало. И вам не повредит!

1.

Кто такой Антипушка? Блудный сын, юродивый? Либо некий знак, предупреждающий об опасности? Отчего он маленького роста, отчего с крашенными, коротко стриженными волосами? Не на нём ли сейчас держится Атлантида? Хотя Атланты были высокорослыми и кудри – до плеч! Но сколько бы я не глядела на Антипушку, сколько бы не шарила глазами по его тщедушной фигурке, невысказанная нежность всякий раз заполняла моё сердце! Такая слезливая, старушечья, огородная, сорняковая, липкая тоска! Как чемодан без ручки – бросить жалко, тащить неудобно, да ещё в гору, по узкой тропе, где пасутся грязные, нахальные козочки. Да и не гора это, так взгорьце – блёклое, размазанное по простору, не пейзажное, даже на простую акварельную бессюжетную мазюку никого вдохновить не сможет! Но всё равно тяжело, словно объелась. Не надо было компот пить напоследок! Да и поминаньице было так себе, щи постные, картоха не прожаренная, без маслица, пирожок переслащенный. Но для старушек какое-никакое развлечение. «Красив ли у Марьи-Кнопки гроб? Не поскупились ли родственнички на ленточки? Бархатиста ли ткань? И платочек с оборочками ли?»

Нет, не поскупились! Ни на рюшечки, ни на тапочки из вельвета. Ни на кружавчики шелковистого, серебристого покрывалишка. Им, наследничкам, домик достался! В самом центре деревушки, возле сельмага, в котором селёдки – мало-сольной, русалистой – хоть отбавляй! И хлебушек беленький есть. И морожено-о!

А на вывеске – ковбой. И не по-нашему написано, мол, бой-френд. Старушки похихикивали – бой-хренд! Иш, как штаны задрал и плёточкой подхлестнул!

– Эй, Антипушка! Тебе бы такую обувку, мериканску! И шаровары, как Тарас Бульбы! Убил бы ты сына своего? За измену полякам? А?

– Нет! – Антипушка повёл сизыми, зелёно-голубыми глазами, аки очами! – Я бы не стал! Не царское это дело!

– Тю! Перепил что ли самогонушки на поминках Марьи-Кнопки? Причём тут царь?

– А так я ж царёва семья! – Антипушка присел на лавочку.

– Чаво? – В разговор вступила высокая, жилистая старушка по фамилии Милованова. А по имени Галя.

– Не скажу!

– Начал, договаривай, – Милованова толкнула в бок свою подругу Люсю Томилову.

– В другой раз! – Антипушка надул губы.

– Ага! – хихикнула Томилова. – Может, ты себя не только прошлым царём, а и нынешним министром-капиталистом возомнишь?

– А можа, он Велес? Али Гермес?

– Амур недоделанный!

Старушки подались к взгорью, тяжело наклоняя свои тучные-и упрямые спинки. Тоже зря компот пили. Тяжело, когда объеешься!

А что делаю здесь я?

Отхожу. Нет, не умираю. Я пытаюсь унять свою разбережённую любовью душу. Я – не родственница Марьи-Кнопки. Но, как ни странно, – её единственная наследница. И это мне – Васильевой Голубе достался крошечный домик Кнопки.

Но скажу по порядку:

Начну со своего старославянского имени – Голуба. В школе меня звали просто Любой, на работе Любовью Ивановной. А вот он...

Ой, мамочки, сейчас расплачусь! Прямо-таки взвою! Волосы на себе рвать буду. Так хочется вырвать изнутри тоску-печаль! Но, нет, лучше карты разложу. Хотя, конечно, смешно в двадцать первом веке гадать, но, когда неведомо, то можно. Король виной – это он, мой любимый, мой несравненный, мой последний, вечный, амуро-огненный – Гордей Буров.

Возле окошка слышались голоса – бабушка Люся Милованова и бабушка Галя Томилова шли, обсуждая Антипушку:

– Гля, царских кровей он, прокажённый!

– Трёхнутый!

– А вдруг и вправду, вдруг не врёт? – Бабушка Люся опёрлась на батожок, приостанавливаясь, чтобы передохнуть от ходьбы.

– Ты чё? Откуда в наших урочищах такое могло быть?

– Да... а вдруг чё и было? Цари, они ведь какие! Хотят девку обрюхатят, хотят царицу. Им же всё можно!

– А причём тут Антипушка? Метр с кепкой в прыжке? – Хохотнула бабушка Галя.

– Что ростом мал, то верно. Но глаза!

– А чё с зенками-то? Подслеповатые, по весне гнойные. А вот листочки поприкладывает да колодезной водой умоется, так ни чё!

– Что-то есть в них такое... такое...

– Дурь! Вот чё! Немошь! Желание выпить! Да закусить нахалыву.

– А вдруг царь бывал в наших местах? Согрешил с бабушкой Антипа да и уехал в леса?

– Тю, Люська, ты выдумщица!

– А ведь красавица была Антипушкина бабка-то! Самая что ни на есть лебедушка. Румяная, белокожая...

Мне выпала семёрка виной и туз тrefей. Лучше бы не раскладывала карты вовсе! Дура! Мне хотелось стереть из памяти его имя – Гордея Бурова! И кто он такой? Врач. Тема его диссертации «Печень бурундука». А его маму Марью все студенты, смеясь, звали Кнопкой из-за маленького роста и властного, въедливого характера. Гордей – сын Кнопки! Я люблю тебя. Я не могу без тебя жить. Прости меня. Ну, прости, хочешь, на колени встану, чтобы вымолить прощение? Хочешь, с горы прыгну? Туда, в речку? И поплыву вдоль илистого, жидкогрязного бережка? Вода у нас в Ржавке коричневого цвета, мутная, как печень бурундука, но мягкая, глинистая, как его хвостик...

В детстве у меня был бурундук. Он был вместо собаки. Или кошки. А, может, вместо попугая? Бурундука поймал отец в лесу. Он был ещё детёнышем, худенький, крохотный, но вёрткий. Папа поместил его в корзину, мама накрыла

платком, чтобы не сбежал. Зачем родители это сделали, не знаю. Я стояла рядом, радуясь тому, что мама крепко обвязала цветастым платком корзину. Что же я не закричала, мол, отпустите бедняжку! У него здесь, в этом осиннике братья и сёстры! Он – из другого мира, он не домашнее животное! Отчего-то мне, неразумной, понравилась идея – взять чужое, пушистое, испуганное дитя!

А родители? Разве не они первые мне – Голубе Васильевой должны были объяснить, что чужое брать нельзя! Или в отце просто пробудился охотничий инстинкт? И он поймал дитёныша, не научившегося не доверять людям – из семейства грызунов, и его бедные родичи после долго горевали от разлуки с сыном! Они плакали во всю вселенную! Они рыдали, глядя на сердоликую луну! И зверьи глухие сердца трепетали – нежно-бренно-соловьино-взыскующе-горько!

Зачем он мне был нужен этот горемыка-бурундучок, которого я назвала Буркой? Это чудо расчудесное, этот дар леса?

По утрам Бурка, понимая, что находится в западне, садилась мне на подушку и глядел, как я сплю, по-кошачьи прижимая хвостик к тельцу.

Он смешно щёлкал кедровые орешки, которые папа купил на базаре. Бурка ел ягоды из компота, который варила на обед мама. Он, кажется, полюбил меня, и мы провели лето в беззаботной нежности. Но осенью мы решили отпустить нашего питомца – подросшего, окрепшего – в лес.

Затем Бурка несколько раз прибежал к нашему дому. Обычно он несколько минут сидел на тропочке, затем нырял в кусты. Где он провёл зиму, я не знаю. Но через год несколько таких же лохматых, пушистых комочков я наблюдала возле нашего дома. Я часто оставляла горсть орешков, ягод, хлебных сухариков возле крыльца. Мне так хотелось, чтобы Бурка жил, чтобы он помнил наше лето.

Тогда я впервые влюбилась в мальчика. Затем вышла замуж и через три месяца развелась. Я своего новоявленного мужа отпустила, как Бурку, в сухую, безоблачную осень, туда, откуда пришёл...

Земля тоже имеет гормональные всплески! Она тоже безумная! Иногда у неё срывает крышу, то есть звезду, и она грузно дыша океанами, прижимая к груди кипарисы, жмётся сиротливо к Марсу или Юпитеру, а то, бывало, на ходу какое-нибудь хищное созвездье прихватывает заметсо ожерелья. И любитесь им! Пospelов, как мне кажется, понимал меня. Он словно всегда-всегда был в отдалении, словно в охотничьей позе, как милый, но хищный зверь. А вот Гордей – прямолинеен, он не хитрил, не сворачивался в клубочек, выпускающая когти, не менял окраску...

Наверно, я иногда была красивой! Если у меня ладилось на работе, если появлялись деньги, я прямо-таки расцветала. Как в математической формуле, количество бумажек в моём кошельке – прямо пропорционально цвету моей кожи! Ой, как румянились мои щёчки, когда я совершала променады по магазинам! Как разгорались мои глаза при виде нарядов! А эта блузка из китайского щёлка, а эти брючки, облегающие мои стройные бёдра, и платье, скрывающее недостатки моей фигуры, и жакет, подчёркивающий мою невозможно пышную, упругую грудь! Ух, ты! И чтобы огонь слизал слёзы со щёк! И чтобы снежные травы обволокли всё мироздание, оплели его – духмяно, цветолоко...

И чтобы все звери – белки, зайцы, лисы почуяли – конца света не будет. Плодиться надо! Спариваться! Замирать в радостном соитии. Давно, ещё в библейские времена Господь шёл по водам и тянул руки к нам! И слёзы текли по его щекам, так он любил всё живое! Так трепетало его нутро, так щемило душу. Ибо не было огня уничтожающего, а был огонь сердечный, кровяной, там под ключицей горячей лавой наваливался. О, топь моя! О, берег мечты моей! Лазурный! Цареглавный! Под ноги пасть ему и целовать жемчужины огня, обжигаясь и не чують ожога. Каясь, ползая на коленях, молить о прощении! «Царь, заступник! Пощади недостойного! Пожалей греховодника! Нутро его пепельное, душу выжженную...»

Ты уже, любимый, три дня молчишь, всё-таки обиделся на мою правду! Но я такая – денежки тратить не люблю. Я хочу,

чтобы мужчины на меня тратили свои зарплаты, чтобы они мне дарили не один цветочек, собираясь на свидание, как ты, а букеты! Чтобы они падали к моим ногам, шепча слова – такие невозможные, такие бесстыжие... Ты же знаешь, Гордей, какой я бываю – раскованной, дерзкой, какой обнажено-безымянно-сладко открытой! Уж тебе-то, одному, доподлинно известно – какая я – настоящая! И вдруг ты словно всё забыл! Все наши договорённости, клятвы! Все наши долгие беседы под лунным светом. Когда мы – обнажённые, словно светящиеся под луной белыми, упругими телами, доверяли друг другу самое сокровенное. Ты мне рассказывал об опытах над бурундуками. Я – о маме и папе, безвременно умерших из-за этой, подлой автостастрофы, когда их тела, словно тряпичные, лежали на шоссе, а мимо проезжали автомобили, проползая маленькими бурундуками по-беличьей поджав хвосты... И про Марию Кнопкину ты, Гордей, тоже мне рассказывал, про её скандальный, тяжёлый, параноидальный характер. Я – тоже немного Марья, я тоже тебя боготворю... дурачок мой! Зачем мы поссорились во второй раз, в третий? А ведь я возомнила тебя своим мужем. Потому что ты меня любил такой, какая я есть. С моим вспыльчивым характером. Со всеми моими шутками, розыгрышами! А уж похохотать-то я люблю! До колик! До спазм! До боли в животе и в печени! И так раскованно по-деревенски! Может, оттого мои отношения с мужчинами не складывались, что они не понимали мой нрав? Мою прижимистость? Я ни за что не выкину лишней копейки на ветер, я могу торговаться на базаре до умопомрачения. Да тебе и не жалко было на меня денег... всё равно у тебя кроме Марьи Кнопкиной и меня никого не было! Половину маме, всё остальное мне! Гуляй, Голуба Васильева, наслаждайся!

Вчера мне снился какой-то странный сон, словно я где-то в лесу, а под ногами туман. Я иду, ноги не слушаются, путаются, вязнут, как в простокваше в этом тумане таком густом, словно съедобном. То ветки ёлок, которые можно было грызть как леденцы, то ягоды размером с яблоки и такие сладкие, а семечки у них, словно лопались на языке...

Бурундучё моё! Ё-ё! И ничего, кроме белого, снежного, незамутнённого кокона с младенцем. О, если бы понимать язык новорожденных. Если бы знать, о чём попискивает спеленатый малыш, что он хочет объяснить! Сказать всему существу, всей галактике с её млечными недосыгаемыми потоками! Что за фразы он посвящает вон той глупой, амёбной звезде, разверзшей холодную пенную пасть! О, да она – сумасшедшая, эта прелестная звёздочка!

Как ни странно, я снова отказала Гордею. Динамо-Спартак – два ноль! Голуба Васильева – динамит!

– Я – копилка твоих отказов, – как-то пошутил Буров.

Колючки дождя по-цыплячьей царапнули мне тогда лицо. И упали на белый кокон земли, утопая в её младенческом всхлипывании, в белоствольных берёзовых утренних туманах. Файл словно бы свернулся в кокон, обмяк в жирных пухлых складочках, подоткнул одеяльце – пуховое, перинное, матушкино.

Любили ли нас наши матери? Наши тётушки? Бабушки? Что они хотели сказать такое пронзительно-перепелиное, мол, иди, делай уроки! Что запечатано в этих уроках-уроках? Какая, такая закладочка между страниц проложена? Что было такого в этом: «Если не станешь слушаться, ремнём отлуплю!»

А ремень-то пахнет отцовым приказом, жидким утиным кряканьем, невыносимо болящим семейным житьём-бытьём.

Били, бьём и будем бить! Их! Детей наших! Потому что нам делали больно, и мы станем приносить страдания другим! Нас лупили, и мы будем! По голой спинке, по розовому пупку, по сиреневому мясцу!

Сами раскормили-разнежили, сами убаюкали-укачали. Сами и разбудим! Так-то!

– Хочу показать тебе редкие вещи. – Гордей волновался. Его щёки, как мне казалось, слегка порозовели. – В сейфе я храню портреты моих родственников. Восемнадцатый век. Раритет! Слагаемое и вычитаемое нашей эпохи.

– А ещё умножение и деление. Второй класс средней шко-

лы. – Парировала я. – Гордей, я, конечно, очень благодарна тебе за внимание. Но...

– Что но? – Гордею хотелось подольше поговорить по телефону со мной. Потянуть разговор, как сладкую конфету, разгрызая фразы. Хотя он не любил долгие разговоры. Не до них!

– Дела у меня... Работа. Да ещё бы квартиру сдать. Деньги нужны! – Ответила я, но как-то вяленько, неубедительно.

– Это не причина отказа. – Гордей вздохнул. Он вожделем меня. Именно меня. Нет, у Гордея не было дефицита в женском внимании. Сотни любовниц были познаны им. И оставлены им же. Сотни женских тел – худеньких и пухленьких, с большими и с маленькими грудёшками, с выпирающими позвонками, животиками, с бледно-розоватыми родинками, молочными впадинками, дерзкими складочками, с нежными затылочками. Обычно женщины Гордею отдавались охотно. Не ломаясь и не стесняясь. Буров мог купить любую, какую хотел. Мужчина он – видный: гладкая кожа, мягкие складки губ, большие карие глаза. Лишь упрямый, округлый подбородок выдавал суровую, волевою бойцовскую силу характера.

– Тогда завтра? Голуба, вы не пожалеете. Исполню любой каприз. Любое желание. Весь мир брошу к ногам, дорогая моя!

– Так уж и весь? – Сязвила я.

Я хотела притормозить у обочины. Разговаривать за рулём было не очень удобно. Хотя дорога до моей дачи была безлюдной. Мне не хотелось вторично обижать Гордея отказом. Но идти в гости, чтобы увидеть пожелтевшие портреты каких-то незнакомых мне предков Бурова, тоже не было пределом моих мечтаний. Как говорят в народе, не зацепило. А вот сейчас... просто привязало канатом.

Так гасятся пожары. Так затихают огненные вьюги, чтобы возгореть в другом месте. На другом континенте. И этот континент был близко. Возле берега. А я отчего-то проскочила мимо. Протопала не той тропой. Не той соблазнулась поляной, полной спелой пригретой солнцем, медуницей – земляничкой. Значит, так судьбой было велено...

Но я не знала, что Марья Кнопкина на меня тоже взирала тогда из окна своего домика, когда я приезжала в Берозвонь по делу. Она, словно пират, глядела из-за штор, принюхивалась, прислушивалась к моим приглушённым разговорам с Томиловой и Миловановой. Уж она-то знала, что я люблю её сына. Эх ты, свекровушка моя! Све-кровь, своя кровь, свой кров ...

Видимо я действительно, скуповата! Ибо не могу упустить то, что мне попало в руки! Приплыло само! Хотя я не сидела в ожидании на берегу с удочкой! Не копала червей в жирном, пахнущем овсом навозе. Нет! Моя удача меня нашла сама! А я так долго ждала этого мига! И рекламу давала на разных сайтах. И много раз ездила туда, где мне ничего не светило! И вдруг на тебе – наследство! Но, как в сказке, направо пойдёшь, коня потеряешь, налево – жизнь! Я пошла прямо и потеряла Гордея! Но обрела домик его мамы! Такой хиленький, с протекающей крышей, с оседающим крыльцом, осыпающейся штукатуркой! И калитка болтается на одном гвозде!

– Антипушка, где же ты? Неужели не починишь? Али не царское это дело за молоток братья?

– Так некогда мне, Голубушка! В гости надоть идти!

– Так спеши, если надо! Я никого не держу!

– Так разве нас удержишь?

Нас – рвущихся из своего времени. Нас – не понятых своими собратьями. Нас – отвергнутых своими любимыми! Нас – так больно кинутых в небытие – сиреневое, колеблющееся, колыхающееся, переливчато-гусельное! Кисельное, болотное, цвета беж! Наше СЕРЕБРЯНО вековое, наше многозвончатое, Бояново, Берегинево!

И никто нас не позовёт обратно! Вверх, вдоль берега, с полными ведрами речной, зелёноватой, томной, прохладной, пахнущей лягушками – рыбной водицей! Видимо, забыли про нас! А мы-то помним! Мы жить без вашего зова не можем! И поэтому каждое утро плывёт Берозвонь утицей по бережку, отражается своими крышами, своими неизбежно, безмерно

счастливыми облаками. Зови – не зови, а высоко мы, почти оторваны, отрезаны, отъяты! И лишь ей одной – Берозвони нашей – известно, когда плыть, причаливать, приземляться, возвращаться положено! То-то же!

2.

...Как-то захотелось поговорить о ней – страстной и огненной встрече, свиданьице в разгар раздора, войны, ссоры и обиды. Это ж надо так противоречить самой себе! И наслаждаться этим! И корни пускать, словно яблоневое деревце, вгрызаясь в землю – натруженную, тяжело дышащую, кишащую ядами! А противоядья-то нет. Не изобрели ещё! Буров, давай, милок, шевели мозгами-то, формулу ищи, ту самую заветную. Тебе всё равно сейчас делать нечего: бизнес твой тью-тью, канул в лету. Так что самое время за науку братья, братец ты мой малиновый, земляничный! Дружок ты мой постельный! Наслажденьице моё!

...Я понимала, что зашла слишком далеко в своих сообщениях по телефону Гордею. Разве я виновата, что Кнопкина Марья мне наследство отписала, а не ему – единственному сыну? Соседи рассказывают, что профессорша часто грозила Гордею, что не отпишет ему «небесный подарочек», что лучше в приют гробовые денежки передаст, в фонд обездоленных. Марья была вообще дамой странною, слыла тем, что была строга к сыну до неприличия. Бывало выпьет Гордей лишнюю рюмку, всё, наследства лишу, кричала. Ей казалось, что она всё, что могла, отдала сыну, всю себя ему посвятила, в карьере помогла. А Гордей такой неблагодарный, такой отстранённый, что при разводе с мужем – отцом Бурова, Кнопка ему оставила старую фамилию, а свою сменила на привычную, на девичью... Ах, если бы сын слушал её, если бы подчинялся... Так нет, Буров бизнесом занялся, а карьеру забросил. Но жизнь поставила всё на свои места, бизнес провалился в тартарары, варвары даже домик у Гордея отсудили... Вот и пришлось Бурову во флигерёчке обитать. Так мамаша

ещё и на последнее отважилась: домик на случайного человека переписала. То есть на меня!

О своём невиданном наследстве я узнала в день смерти Кнопочки. Соседки – Томилова и Милованова отыскиали за вещаньице на полочке и тут же его огласили в присутствии всего местного населения. Антипушка всё время восклицал:

– То-то же, как мать не слушаться!

Бедный, бедный, юродивый Антипушка! Предателишка мой! Сколько буду жить, а всё время слёзно тебя вспоминать стану! Рыбонька мой! Не ты ли у моего Гордея денежки взял, сказав, что мемуары издавать станешь? А? Пятихатку помнишь, красенькую? То-то. Где твои мемуары? Ку-ку! Нетути! И денежки истратил ты! Тогда зачем мне по сотовому телефону позвонил и сказал, что Гордей на меня обиделся? Что бросил меня Гордей! Твоё ли это дело в любовных делах разбираться? Ну, сказал бы, что не станешь передавать мне, что не будешь ничего говорить! Так нет же сказал, падлишка моё любознательный! Анипушка, анти-пушка, пулемёт ржавенький...

И Гордей тоже хорош! Говорил, что любит...

Любит... Любит?

Конечно, любит! И как меня не любить? Ноги от ушей, грудь седьмого размера. Мы все – Васильевы титястые! Мамонька, тётушка, бабуся, троюродная сестрица, пятиюродная свояченица. Все, до одной! Хоть тресни! У других – орешки грецкие под кофточкой, а у нас – груди! Белые, пышные, роскошные, замянящие! Это нам природа подарила такую красоту. И Пospelов на меня внимание обратил из-за моей ядрёной, бабьей притягательности. У его Пospelихи – шиш да маленько, а у меня – магниты! С двух сторон. Я знала, что обладаю таким богатством, поэтому носила платье с глубоким декольте, чтобы ямочку было видно. И нарочито выставляла напоказ высокоприподнятую, затянутую бюстгальтером, наполовину приоткрытую, точнее открытую – грудь. Это было моим главным орудием. Гранатомётом. Если бы меня продали в рабство, как в античные времена – голодную и злую, то

непреречно бы на невольничьем рынке меня бы купил богач. И влюбился бы! И мне одной можно было бы заходить по вечерам в его спальню, подавать волшебные напитки из вишневого сока...

А впрочем, я заболталась. Гордей, ты не представляешь, как мне сейчас больно! Хочешь, я тебе обратно отдам домик Кнопки? Бери! Но не сейчас. Оттого что по закону шесть месяцев должно пройти. У меня, дорогой, есть, где жить! Я – дама с приданным! У меня своё ЧП. А уж про дома, квартиры, земельные участки я знаю не понаслышке. Работаю я риелтором. Хотя, конечно, призвание у меня другое... Но кто в наше время по призванию живёт? Все работают, чтобы деньги были. Эти сиреневые хрустящие бумажки. Жёлтые монетки. Гривенки, как говорили в старину, от слова загривок, то есть украшение. И теперь – эти лунные, блестящие круглые медяки встали между нами, Гордей! Мы поссорились из-за денег! Нет, ты не жадный. Я умилилась, когда ты доставал коричневый кожаный бумажничек, расплачиваясь за наш ужин в кафе. У тебя карие глаза и ровный розовый лоб. И такие мягкие волосы на ощупь... Но почему, почему ты такой обидчивый? Или, почему, почему я не нашла других слов, чтобы объяснить тебе суть проблемы? А если ещё точнее – то жуть проблемы, её нутрь... блин, что я несу? Если ли она вообще проблема? Нет! Просто нет возможности договориться! Глухая стена непонимания. Китайские иероглифы на воротах. Велесовы очёсы. Туманы Индии. Розы Арктики. То, чего нет в природе, а мне надо понять его биологическую природу, вычислить массу, найти противоядие неизвестному веществу. Постучать в калитку, которой нет, расшифровать герб на флаге не существующей республики.

Словом, Гордей перестал отвечать на мои телефонные звонки, на мои отчаянные сообщения, а я умоляла его отозваться, ответить, чтобы просто услышать его голос. Особенно тяжело мне стало на пятый день после похорон Кнопки. Лучше бы она жила! И вообще бы не писала никаких завещаний! Нужен мне этот ветхий домишко с облупленными окнами.

ми. От стен пахло сыростью, углы прогрызены мышами, зеркало обсижено мухами, комары зудят, как ненормальные...

От Гордея тоже часто пахло похожей смесью. Видимо, когда он оставался ночевать у мамы в деревне, запах проникал в складки одежды, в кругляшки пуговиц, в медь запонок, и никакой парфюм не мог справиться со стойким, въедливым воздухом старины. Ах, ты милый мой! И твоё предложение:

– Приходи, Голуба, изучать раритеты, портреты моих предков!

С Гордеем я совсем не стеснялась, он мне сразу стал свой, прямо-таки в доску свой! Ручки, ножки, ушки – всё родное. И беседы у нас были душевные! А, может, Марья Кнопкина не хотела, чтобы мы поженились, поэтому рассорила нас своим завещанием? Или я сама неправильно среагировала? Всё-таки домик в деревне мне был нужен! Квартиру можно было сдавать в аренду, а в доме жить. Мои профессиональные интересы взяли верх, я Гордею сказала:

– Отчего я должна идти против воли твоей матери? Её никто не принуждал, она добровольно пошла на этот шаг! И, вообще, любимый, если тебе нужно жильё, сними квартиру для нас! Мы уже два года встречаемся, где придётся. В основном об этом забочусь я. За тобой надо заехать в больницу, где ты вкалываешь сутками, затем через весь город ехать ко мне. Я в такси не работаю. И бензин у меня не казённый!

Последнюю фразу я добавила так, от нечего делать. Мне не жалко было денег на бензин. Но Нелли меня за это осуждала, мол, все мужики своим бабам бабло дают. А ты на свои кровные разъезжаешь. И машина у тебя в кредит взята! Отчего бы Гордею не раскошелиться и не помочь тебе материально?

– Ты о чём, Голубушка? – Гордей прямо-таки опешил от моих слов.

– А ты не задумывался, что мне приходится самой оплачивать расходы? Двадцать пять километров туда и столько же обратно? Это – не меньше тысячи рублей. Умножь на десять

раз в месяц, получится кругленькая сумма, да ещё не забывай, что мы встречаемся два года, поэтому увеличь ещё на двадцать четыре! И квартира у меня холодная, ты требуешь, чтобы я включала дополнительно обогреватель. Сколько киловатт в час он употребляет?

По своей природе я не была жадной женщиной. Но с Гордеем мне хотелось поговорить начистоту.

– Много... – Гордей помотал своей красивой головой, разжимая объята.

– Если мы были бы женаты, другое дело, совместный бюджет и прочее. Но мы просто любовники! И у меня нет никаких перспектив стать твоей женой. – Я сжала губы. Я понимала, что разговор не к месту. Что у Гордея только вчера умерла мать. И что лишь сегодня он узнал о содержании её завещания. – Поэтому дом – мой! – Добавила я. – Или пока мой... не знаю, что будет дальше. Но после девяти дней я начну делать ремонт, приглашу рабочих.

И, заметь, тоже на свои деньги!

– Мне это обязательно замечать? – Гордей встал с кресла. – Сколько стоит возможность сидеть здесь? Лежать на твоей кровати?

– Дорого! – Буркнула я в ответ. – Пожалуй, тебе не по карману! Хотя ты неплохо зарабатываешь!

– Тебя совершенно испортила твоя работа. Ты только и думаешь о цене за квадратный метр! У тебя нет сердца! – Гордей направился к выходу. Его лицо было бледным. Но таким родным...

У меня нет сердца? Но отчего оно так болит, если его нет? Дверь захлопнулась. Я видела, как Гордей дошёл до угла дома. Как закурил сигарету. Как ветер раздувал полы его плаща. Как погасла звезда. Что же ты такая беспомощная – синяя, плакучая, гордая – звёздочка? Ты светила столь долгое время, все восхищались твоими медными, розового цвета лучами, и вдруг, именно в тревожную для меня минуту, ты взяла и исчезла? Именно в эту ночь разлуки?

– Правильно сделала! – Ответила мне Нелли, которой я

позвонила сразу, как только тень Гордея растворилась во мраке. – Жениться не собирается. При его-то зарплате мог бы оплачивать все твои расходы. А ещё врач! Это не гуманно – упрекать тебя в том, что Кнопка отписала не ему её хибару! Тоже мне – хижина дяди Тома! Развалюха!

– Не в этом дело! – Возразила я. – Надо было подождать немного. Он ещё мать не схоронил, а я уже права качаю... ему трудно. Он заехал всего на часок, он искал сочувствия. А я...

– Не переживай. Помиритесь! – Голос Нелли звучал уверенно. – Он же любит тебя.

– Да, любит. – Согласилась я. – Нелли, я проявила бестактность. Надо было сказать Гордею, что я не готова к серьёзному разговору в данный момент. И, моя дорогая, с чего ты взяла, что Гордей не хочет жениться на мне?

– А оттого, что не слышала слов о предложении тебе выйти замуж! – Язвительно заметила Нелли.

– Он мне говорил об этом, но другими словами.

– То есть?

– Например, месяц тому назад, я сама подошла к Гордею, погладила его по голове и сказала, что у нас могла получиться хорошая семья!

– А он?

– Заулыбался.

– И это ты называешь желанием жениться?

– Да...

– А если бы он расхохотался, то ты бы тут же ринулась в загс? – Нелли ехидничала ещё больше.

– Понимаешь, у него был такой огонёк в глазах, такой тёплый, ласковый, что я поняла, вот оно – близко!

– У них у всех близко, а не достать!

– А сейчас я... я его оттолкнула. Я всегда считала себя мудрой женщиной. И вдруг такое... – Мои глаза наполнились слезами.

Я услышала, что Нелли тоже всхлипнула, сочувствуя мне...

– Во всех книгах по психологии написано, что так делать нельзя. Ни в коем случае! – Я вытерла навернувшиеся слёзы носовым платочком.

– Ну, извинись перед ним. Скажи, что переборщила. – Посоветовала Нелли.

– Нет. Это не поможет...

– Придумаешь что-нибудь.

– Что?

– Все мужики помешаны на эротике! – Нелли загадочно хмыкнула.

– Мне ему своё фото выслать в неглиже?

– Почему бы нет? Сфоткайся во всех ракурсах. Напиши что-нибудь интимное. Клубничку всякую. Чушь любовную. Авось, клюнет!

– Ладно. Завтра похороны. Затем девять дней. Может быть, наладится... – согласилась я.

Но ничего не налаживалось. Ни мои фотки в стиле ню, отосланные ночью, ни мои сообщения по телефону о моей горячей любви. Гордей стойко молчал. Да ещё Антипушка подлил масло в огонь.

– Слышь, Голуба, Гордей просил передать, что у него нонче другая есть баба! – Заявил мне старик, постучавшись утром, после того как минуло две недели. Целых четырнадцать дней!

– Что значит, просил передать? – Я в растерянности вскочила с диванчика, на котором уютно лежала, свернувшись в калачик под тёплым пледом, который мне достался в наследство вместе с имуществом покойной Марьи Кнопкиной. – Он сам не может мне сказать об этом?

– Может... – Гордей топтался у порога. – Но не желает!

– Тогда я не желаю слушать то, что он мне просил передать! – Я гневно топнула ногой. – Тоже мне передатчика нашёл!

Я чуть не выругалась, эх ты передатель сраный! От вершка два шажка, волосы крашенные! Антипушка, тебе уже скоро шестьдесят лет, а всё под молодого косишь! Но я вовремя

осеклась. Антип не виноват! Да и не принято в деревне соседа клясть!

– Сама виновата. – Скороговоркой вылетело у Антипушки. – У мужика горе. А ты меркантильная оказалась!

– Ага! – Кивнула я, иронизируя. – Одинокие бабы все такие. Лишь бы в выгоде побыть. Надоело мужикам потакать! Ловеласы да Альфонсы кругом.

– А ещё женатики, – подхватил Антипушка.

– Ах, Антипушка! – Я жестом пригласила старика в комнату. – Сядь, чаю попей. С малинкой!

– Ага! Давай! Я вижу, ты разговор в другое русло переводишь? – Антипушка скинул в прихожей обувку и сел за стол.

– Тяжко мне! – Призналась я. – Хоть и не охота рассказывать, ты по деревне разнесёшь, а расскажу.

– Я по деревне? – Антипушка округлил глаза – этикие синенькие озёрца! Ну, смешной он этот старикан! Прямо как с телеэкрана типаж! Ручки махонькие, пальцы мозолистые. Сам нескладный, нелепенький. Но чудо, какой прелестный! Рыбонька!

– Не выдашь меня? – Мне захотелось пооткровенничать. Когда ещё с кем-то удастся поговорить по душам?

– Ты же сама сказала, что выдам... это Кнопкины вещи? – Антипушка отхлебнул чаю из бокала, который мне тоже достался по наследству.

– Её...

– То-то же. Не справедливо это. При живом-то сыне.

– Ты прав. – Я тоже налила себе чаю.

– И как ты могла так в душу Кнопки запасть, что она тебе всё подарила? А сыну ничего? Колдовство не иначе!

– Ну, ты шутник?

– Может, чары у тебя особенные? Кнопка вообще слыла женщиной властной. Сына держала в кулаке. И карьеру ему помогала сделать. Говаривают, что даже за него статьи сочиняла и в журналы продвигала! Она ж Гордея любила пуще света белого! Сынок всё-таки!

– А, может, она хотела, чтобы Гордей жил со мной? – При-

щуриив глаза, спросила я. – Вот здесь, в этом доме? Сам знаешь, мужчину женить после сорока лет сложно!

– Головоломка... – Антипушка почесал затылок. – Надо было судьбе следовать. А не хитрости творить!

– А мне что теперь делать? Я же не нарочно! Да и ты ещё мне вести плохие принёс. Не верю я, что Гордей разлюбил меня!

– Так кто говорит, что любовь прошла? – Антипушка поморщился. – Просто другая у него, богатая дамочка, его пациентка. С квартирой!

– Не то ли что я? Так? – Чтобы не разрыдаться я подошла к окну. Комок в горле не давал дышать. «Что за невезение! Откуда вдруг взялась другая? И так быстро? С луны упала?» – мои мысли, как мыльные пузыри, лопались одна за другой...

– Ты хорошая. Ты красотка. – Антипушка шмыгнул носом.

– Тогда в чём дело? Неужели Гордею меня так трудно было понять? Отчего он не встал на мою сторону? – Я не выдержала и разрыдалась...

– Вот оно чё... любовь-морковь окаянная! Голуба, Голуба... – Антипушка подвинул вазочку с вареньем. Он долил себе чаю. И опорожнил пару кружек. – Смирись, дочка. Не вернётся Гордей!

– Посмотрим! – Я вытерла слёзы. Уже вторично мне пришлось рыдать. Да что такое! Я последний раз плакала в детском саду. А тут ни дня без слёз!

– И смотреть неча! Гордей так и сказал, мол, всё кончено у нас с Голубой. Насовсем!

– А подарок отнесёшь ему?

– Что за подарок?

– Вещица одна. Очень интересная есть у меня. Давно хотела моему любимому подарить... – схитрила я. На самом деле ничего подобного я делать не собиралась. И вещицы у меня не было. И дарить я ничего не хотела. Даже не думала.

– А отчего ж не подарила, когда не в споре были? – Антипушка допил чай и отодвинул чашку.

– Как-то не довелось, – я села снова к столу. – Ты зайди завтра. Я тебе передам.

– Чё ж не сёдня?

– Надо в город ехать. Там, в квартире у меня подарок. – Соврала я.

– Ладно! – Антипушка попрощался со мной. – Завтра, так завтра...

– Ближе к вечеру приходи.

– А что за вещица-то? – Старичок приостановился перед калиткой. – Секрет что ли?

Вместо ответа я потушила свет. Я сама не знала, какую такую вещь мне необходимо передать Гордею. Но я цеплялась за любую возможность пообщаться с любимым.

Я не спала до утра, придумывая, что купить Бурову. Ворочалась с боку на бок. Потом кое-как уснула...

... Мы шли, взявшись за руку по парку Кулибина. Гордей пораньше закончил лекцию в медицинском институте, где он преподавал студентам. Мы были счастливы. Я дотронулась до ладошки Гордея, она была тёплая, мягкая. Любимый сжал мои пальцы, я почувствовала пульсацию. Такое нежное покалывание хромосом, тайну кода, брожение с аквалангом по острым скалам. «Неожиданное ощущение!» – улыбнулся в ответ Гордей. Мы проходили сквозь потоки воздуха, сквозь толпу людей, рассекая их горячие тела, мы были прозрачными, как аквариумные рыбки. Наши позвоночники срослись, мы обвилились руками и ногами, нас невозможно было расщепить на атомы.

«Бедный, бедный Антипушка, лягушонок из болотца, проросшего тиной, жирной грязью и жёлто-лунными купавами! Зачем ты мне принёс плохую весть? Отчего не ослеп, не оглох, не онемел? Отчего не забыл четыре ненужных слова? Эти валуны, эти замшевые окаменелые комья, эти пресные тугие омертвевшие суги?»

Наверно, я сама вот-вот окаменею! Ну, не умирать же? От моей глупой, пресноводной, лягушачьей любви! От моей пупырчатой, перепончатой тоски! Я вынуждена катать эти валуны, переваливая их с боку на бок за синий край горы, лоснящийся на солнце, масляный, словно политый жёлтой, луково-помидорной смесью для жарки.

Сколько мне бы ни было отмеряно жить, я всё равно буду обождать тебя, Антипушка, за твою смертную правду, за твои горе-валуны, за твою невозможно, до боли в горле, безумную правду, что сопричастна подлой лжи! Самой гадкой из всех новостей, самой змеиной, чёрной, расстрельной подлости. И зачем ты сказал мне, что Гордей теперь с другой бабой? Для чего тебе это понадобилось? Я ж тебе ничего дурного не желала. Не мыслила даже. Наоборот, всегда жалела тебя и молилась о твоём здравии! Сокровище моё, алмазик! Деревенщина моя неотесанная! А ещё мнишь, что царских кровей! Лягушачьих, рыбных, червячных ты жил и поджилок, травных, полынных подсуставчиков, медвежьих, звериных сухожилий!

Но отчего я тебя, подленького так жалею? Прямо до восторженной нежности, до ощущения невесомости! Словно я в каком-то внутреннем космосе витаю, а возле меня – светила небесные, аленькие звёздочки да распушившие хвосты свои петушинные – кометы...

Проснулась я в хорошем настроении. Лишь сегодня утром я поняла, что примирение с Гордеем возможно. Что его измена ненастоящая, понарошнешная. Так, для красного словца. Чтобы дать понять, какой он ценный да хорошенький. А я и без этого знаю... Хотя мои сообщения по телефону, которые я отсылала Гордею все эти дни гласят об обратном. Я, то извинялась перед Буровым, то ругала его, то чуть ли не падала в ноги, то язвила, прямо-таки брызгала ядом, аки змея подколотная! Поганка сушёная, мухомор краснощёкий! И ещё: «Ты думаешь, Буров, что я не смогу привлечь к себе другого мужчину? Желающих – море! Директор рынка Хоттабыч, охранник Федот, банкир, судоремонтник и даже дворник Вася: вот небольшой список – атлетически скроенных, играющих мышцами, манящих лестными словами, желающих переспать со мной! И отчего ты сам не сказал мне в глаза, что нашёл другую? Зачем послал юридивого Антипушку? Пока я не услышу, что ты меня бросил, из твоих уст, я вынуждена оставаться твоей женщиной!» Фразу: «Вынуждена

оставаться твоей!» – я написала нарочно крупным шрифтом, а слово «вынуждена» жирными буквами, чтобы мой любимый понял – не по своей воле я волочу тяжёлую ношу принадлежности ему! Скорее всего, мне, конечно бы, хотелось встретиться. И я всякими путями объясняла Гордею, чтобы тот вышел на контакт, а не просил бедного Антипушку быть посредником в нашей любовной ссоре!

С некоторых сообщений я называла Гордея бездушным фаллоимитатором, в некоторых рассыпалась в комплиментах. Язвительный тон перемежался со слезливой бабьей россыпью жалоб на судьбу. Попыткой вернуть утраченное. Но все мои ухищрения были тщетны! И вот последнее – подарить якобы давно задуманную вещицу! Но что такое и где это взять я не знала! Хотя с утра я тщательно нарисовала ресницы и густо обвела карандашом губы. Пусть вся деревня думает (а то, что Антипушка уже разрезал соседкам про мою поездку в город за подарком Бурову, было ясно как Божий день!), что у меня дома действительно припасено нечто такое важное, являющееся предметом первой необходимости! Первой, кого я встретила на пути, была тётка Галя. Она сидела на лавочке. В такую-то рань! Вот что значит любопытство! Хотя дел в эту пору было невпроворот! Апрель всё-таки! И трава зазеленела-замуровела, и мусора разного во дворе пруд пруди, и петли на калитке скрипят. Нечшто смазала бы, а, тётка Галя Милованова!

– Далече ли ты, красавица? – спросила старушка, вскакивая живо на ноги, словно ревматизм излечился сам собой в мгновение ока!

– Нет. – Коротко воскликнула я.

– В город что ли? – Не унималась соседка.

– Как вы угадали? – Усмехнулась я.

– На машине поедешь, али автобуса дождёшься?

Свой Рено я парковала возле дома Антипушки, чтобы не тащится по размытой весенними водами колее до калитки Кнопки.

– Вам что-нибудь купить? – Стараясь обойти назойливые вопросы, улыбнулась я.

– Так нет... зачем же. В сельмаге всё есть! – тётка Галя покраснелась.

– Тогда я поеду?

– Езжай!

Я махнула на прощание рукой и заспешила дальше. Но тут, как в сказке, повторилось тоже действие: возле соседнего дома я заметила фигурку соседки-бабушки Люси Томиловой. И поняла, что меня провожают тщательно, словно я уезжаю по очень важному вопросу, касающемуся чуть ли не правильных тем, глобальных проблем, космически, бездонно архижизненных! Вот бы так решить проблему бедности нашего населения! Урожайности огородов! Избавления от колорадских жуков раз и навсегда!

– Дочка! Ты чё в таку-то рань? Случилось что ли? – старушка нежно покашляла, завидев меня.

– Нет, всё нормально. – Также коротко ответила я ей, как и тётке Гале.

– А-а-а.

Я запахнула плащ. Поправила шляпку.

– Видная ты невеста! Всё у тебя есть, – заметила бабушка Люся, – и квартира в городе, и домик в деревне. И машина! Тока жених куды-то девался... думаешь вернётся, али как?

– Я пока об этом не думаю! У меня других забот море! – скривилась я в улыбке.

– Ясно дело! – Не найдя, что ответить кивнула бабушка Люся. – А чё такая бледная?

– Не выспалась, – неохотно махнула я рукой.

– А ты слоников считай. Или предстать, что по реке плывёшь. Сон нагрянет, не промедлит.

– По какой речке? По нашей – грязной, захламлённой – плыть что ли? Того и гляди муть засосёт, не выплывешь! Лучше книгу читать! – Я сделала несколько шагов в сторону дома Антипушки.

– Ишь, больно грамотные все! – Старушке, словно не хотелось меня отпускать. Я представила, как буду возвращаться обратно. Всем селом выйдут! Флаги развешат. Дорогу цвета-

ми устелят. Лишь бы узнать, что я хочу подарить Гордею. А ещё пуще, хотят выведать, насовсем меня Буров бросил али так понарошку, для острастки, разобидевшись на мою алчбу!

– Пойду я! Вам, может, что-нибудь купить в городе? А-то Гале Миловановой ничего не надо! – спросила я напоследок.

– Ей не надо. И мне тоже! – отрезала старушка.

– Счастливо!

Я заспешила дальше. В голове был такой кавардак, словно апрельский ветерок разнёс последние скудные мои мысли в разные стороны, как сухие прелые листики берёзы!

Антипушка меня встретил молча. И я была благодарна ему за это. Ещё один допрос я вряд ли бы вынесла. Вот чем он мне всегда нравился – пониманием! Наверно, ему я бы раскрыла свою душу. Я бы не стала увиливать от прямых старческих вопросов. Но Антипушка равнодушно кивнул мне на прощание, сделал вид, что ещё хочет вздремнуть. Он зевал и почёсывал щёки. Крашенные в непонятный цвет волосы развевались на ветру. Всем своим видом Антипушка показывал, что ему по фиг! Может быть, он предвкушал грядущее удовольствие, как передаст Гордею мой подарочек, как тот развернёт розовый пакетик, как покажет Антипушке его содержимое! Поэтому, какой смысл задавать вопросы сейчас, когда наивысшее блаженство раскрытия тайны впереди!

Я полдня пробродила по торговому центру. Но безрезультатно. Купить одеколон? Смешно. Гордей сразу поймёт, что такая безделица всего-навсего попытка сблизиться! Купить галстук? Ещё смешнее! Буров – не дурак, догадается, что я хитрю!

Я присела на лавочку, думая, куда бы податься, чтобы такое приобрести, чтобы было похоже на правду, мол, вещица куплена давно, и что действительно я просто забыла её отдать моему любимому во времена наших встреч!

Я решила позвонить Нелли, посоветоваться с ней. Может, у подружки фантазия лучше моей?

– Купи рубашку. Попроси продавца, чтобы чек выписали задним числом! Буров точно не догадается! – выслушав меня, ответила Нелли.

– Ага, ещё и цена чтобы указана была! – съязвила я. – Тогда Буров подумает, что я точно – скупердяйка! Что он меня не зря бросил!

– Он любит ножи, футляры. Всё старинное. Ты же сама говорила, что он увлекается позапрошлым веком, его влекут гладиаторские бои! – Нелли пыталась подыграть мне. Её голос по телефону мне казался таким встревоженным. Искренним. Ласковым!

– Дарить холодное оружие – плохая примета. К войне. А я мира хочу!

– Купи какую-нибудь книгу...

– У него библиотека такая богатая, что я сама к нему ходила за материалом...

– Вот-вот! Скажи, что именно этого томика у него нет! Придумай, что-нибудь! Ты же такая сообразительная!

– Наряжусь клоуном. Приклею нос. Обмочу его бутафорскими слезами. И спляшу! – Иронично процедила я сквозь зубы.

– А это ещё зачем?

– Потому что наша разлука – клоунада! Цирковое представление! С канатоходцами, скачками, летанием под куполом.словно мы друг друга дёргаем за ниточки, как кукловоды.

Нелли сочувственно промолчала. Затем вздохнула и попрощалась со мной:

– Заезжай вечером. У меня вино хорошее есть. Испанское...

– Пока!

Я решила сходить ещё в пару магазинчиков на углу. Но безрезультатно! Мраморные пепельницы, сувенирные мельницы Дон-Кихотов, деревянные ослики и пошлые гравюры не привлекали моё внимание. Отчего я никогда Бурову ничего не дарила, кроме пары футболок? Отчего не закидала моего любимого сувенирами, безделушками и прочей не нужной ему утварью? Я даже не знаю, какие цвета он любит, какой тон галстуков предпочитает. Я забыла, как пахнет у него ру-

башка, какие него пупырышки на спине и где расположены родинки...

Вдруг на лавочку в парке, где я присела отдохнуть, плюхнулся какой-то беспризорник. Я автоматически отодвинулась на край.

– Тётя, – произнёс мальчик, – купите у меня вот это!

Беспризорник протянул мне зеленоватого цвета куб.

– Это гранит. – Пояснил он.

– А яшмой не торгуете? – Съязвила я. – Или может у вас гранат есть? Алмазы?

– Есть ещё хризолитовый перстень... – Мальчик полез в карман грязных джинсов.

Я взяла в руки куб и повертела его. Гладкие грани, тяжело отсвечивали. Ничего интересного. Видимо, ребёнок взял эти вещи из детдома, где он пребывает, из кабинета географии или химии и пытается подзаработать. Но вдруг моё внимание привлекли цифры, неясно, но упорно прочитываемые на гладких гранях Зелёного Куба. Например, двадцать седьмое мая двух тысяча двенадцатого года. В этот день я продинамила моего Бурова, не пришла к нему на свидание, не видела портреты его графинь, не познала его королевских корней, элитного происхождения... Другая грань отчётливо отливала тридцать первым января двух тысяча тринадцатого года, в этот день мы сильно поругались. Я приревновала Бурова к его пациентке. Следующая грань мерцала числом девять и десять, то есть октябрь, далее третья мая – момент нашей неистовой страсти, и второе октября, когда Буров впервые мне признался в любви. Меня, словно током пронзило, это был магический Зелёный Куб!

Беспризорник заёрзал на лавочке, понимая, что меня заинтересовало его предложение:

– Будете покупать?

– Сколько бы вы хотели денег? – Видимо выражение моего лица выдавало неопишное волнение, поэтому мальчик зазвал баснословную цену.

– У меня нет такой суммы! – Я отрицательно покачала го-

ловой не в силах оторвать взгляда от Зелёного Куба. Магия да и только! Но почему, откуда, кто начертал числа, не чудятся ли мне эти знаки?

– А сколько у вас денег? – Беспризорник протянул руку к зелёному чуду.

– Нет! Не отдам! Я не могу! – Мне пришлось крепко прижать Куб к груди.

– Тогда заплатите половину. – Ребёнок алчно взглянул на меня. – Если вы не жадная!

Я охнула. Второй раз меня обвинили в скупости! Сначала сам Буров, а теперь при покупке подарка ему!

– Сказала, что нет! – Я упрямо качнула головой. – У меня при себе немного денег. – Но я так горячо держала Зелёный Куб в руках, что беспризорник, попытавшийся выхватить его, не сумел этого сделать.

– Ишь, какая цепкая!

– Пошли к моей машине!

Я встала и направилась к стоянке.

– Тётя, ну я же сирота... у меня мама болеет... у меня брат умер! – Канючил мальчик, следуя за мной.

– А что за перстень у тебя? – Не оборачиваясь, спросила я. – Покажи!

– Вы и его за бесценок купить собираетесь?

– А не сдать ли мне тебя в полицию? – Пригрозила я. – Показывай!

– Нате! – Беспризорник огорчённо протянул мне безделицу.

– О, нет, ничего в нём драгоценного нет! – Я мельком взглянула на перстень. – Обычная подделка! Да и куб твой тоже ничего общего с гранитом не имеет. Просто в нём есть то, что мне надо!

– Тётя...дайте, сколько можете за всё оптом! – мальчик шмыгнул носом. – Хотя бы пять тысяч за куб и две за перстень!

– Вот это другое дело! – Радостно кивнула я. – А то загнул мне цену! Торгаш несчастный!

– И перстень возьмёте?

– Куда ж я денусь?

Мы подошли к стоянке. Я села в свой Рено. Достала кошёлёк и отсчитала деньги.

– Никогда, слышишь, не смей меня называть скупой. Я просто расчётливая и экономная барышня. Понял?

– А то что? – Мальчик свернул купюры и положил их в карманчик своих замызганных джинсов. – За уши надерёте?

– Как зовут тебя? – махнула я рукой, мол, твои уши мне нужны. – И где ты обитаешь?

– Так тут и живу! А имя моё Ветр!

– Что не туч? Не бурь? Не облак? – Снова съязвила я. Уж такая уродилась ядовитая! Мне бы только подколоть кого-нибудь!

– А вас как зовут? – Беспризорник боялся стоять близко. Было такое впечатление, что ему не терпится сорваться с места и помчаться, как «ветр»! Или улететь, как «птица»!

– Любовь Ивановна Васильева! – Я переложила магический Зелёный Куб в кармашек сумочки. Перстень бросила в бардачок, мне он не был нужен. Пусть лежит там, как дополнение к комплекту, как бюстгальтер к трусикам!

– А вы зря так с перстнем поступаете! – Мальчик сжал кулачки. – Он тоже не простой. Там тоже цифры есть, если они вам нужны!

– Надеюсь не шестёрки? – Отшутилась я, вставляя ключ в замок зажигания.

– Нет! – Беспризорник покачал головой. – Это ключ к отгадке добра.

– Разве ему нужна отгадка? – Я пожала плечами.

Машина тронулась с места. В зеркало заднего вида я заметила, что беспризорник подбежал к какому-то небрежно одетому старцу и отдал ему деньги. Белая борода оборванца развеялась на ветру. Или на «ветре»? «Ну, мошенники! – Я тяжело вздохнула. – Алкаш заставляет мальчика торговать, чем попало! Видно за выпивку зарабатывает! А тот мне заливал про маму и брата, когда в наличии – Старик Хоттабыч, которому надо на опохмелку! А, может, это тибетский монах, сбившийся с курса?»

Мне стало смешно. Во-первых, я приобрела то, что хотела, сама не зная, что найду товар первой необходимости. А во-вторых, бродяги наверняка сегодня оторвутся по полной! Ветр и Циклон! Облак и Косм! Меридиан и Параллель!

Я решила сегодня переночевать у себя на квартире. Ехать в деревню, в эту дремучую Берозвонь не хотелось... Я предстала, что мне предстоит пройти сквозь строй моих соседей, поджидающих меня возле своих домишек, мимо козочек, кошек! По грязной, непросохшей дороге. Ну, их!

Ночь я провела спокойно. Проспала чуть ли не до полудня. Меня разбудил звонок по сотовому телефону.

– Добрый день! Квартиру сдаёте?

– Да! – Я протёрла глаза. Солнце светило в окно, как оглашенное. Сумасшедшее, бархатное светило моё, привет!

«Надо же, – подумала я, – реклама сработала! А ведь я её полмесяца тому назад в интернете разместила. Не было ни одного звонка. И вдруг – здасте! Приехали!»

– Почём?

Я назвала цену.

– Хорошо. Мы – молодожёны. – Мужской голос был мягким, речь плавная. Тон – подчёркнуто вежливый. – Я буду жить с беременной женой.

Я объяснила молодожёнам, как добраться до моей двушки, расположенной на первом этаже кирпичного дома.

– Это почти центр! – добавила я.

Молодожёны заплатили мне сразу на год вперёд. Это было большой удачей, потому что я нуждалась в деньгах. Да и домик Кнопки надо было отремонтировать. Крыша текла в двух местах, рамы скрипели, обои отсырели...

Поэтому я обрадовано припрятала денежки в карман сумочки, застегнула его на молнию. Рядом внутри, бугром, выпячивался Зелёный Куб.

До Берозвони я добралась за каких-то полчаса. В это время в городе почти нет пробок. Соседи меня встретили равнодушно. Даже не поинтересовались, где я пропадала двое суток! Наверно, решили – загуляла баба! Дело-то молодое, да

и мужик меня – ягодку в соку! – бросил в такие-то молодые годы!

Поэтому мне не составило труда к вечеру нанять кровельщика и заказать нужные материалы: доски, бруски, шифер, гвозди...

Антипушка, посетивший меня утром, обнаружил, что на крыше у меня работает кровельщик по имени Матвей Модестович. И что теперь вместо старого рубероида у меня будет новый, бордовенький ондулин! И мне можно будет любоваться им в предзакатном сиянии! А если захочу, то заведу кота, который станет прогуливаться по крыше, мяукая от восхищения...

Старушки только ахнули! Вот те на! Разбогатела наша Голуба, Любушка-раскрасавица! И наличники у неё теперь крашенные, и ворота отремонтированные... Где ж такое сокровище нашла? Ась?

Антипушка вертелся возле моего дома часа три, всё глядел, не криво ли Модестович кладёт скрипучий, липкий, но такой хорошенький ондулин. И старушки тоже, не отводя глаз, следили, как бы гвоздя кровельщик не скрал!

Я тем временем упаковала Зелёный Куб в коробку из-под новых туфель, купленных мной по дороге в ближайшем обувном магазине. На крышечку я привязала бант, а саму коробку обмотала скотчем, чтобы старик не дай бог не выронил моё сокровище. Алмазище! Магический инкубатор счастливых чисел! Вех моей прошлой, бездумно, катастрофически солнечноликой жизни!

– Отнеси Гордею, как обещал! – Сказала я Антипушке, протягивая коробку.

– Что там внутри? – Ахнули старушки, разглядывая бант.

– Зелёный Куб! – призналась я. – Он волшебный.

– Из золота? – Хмыкнул Антипушка.

– Похлеще! – с гордостью ответила я.

– Не ври! – В один голос воскликнули старушки. – Лучше золота ни чё нет.

– Для кого как! Вы только о богатстве и думаете. Про день-

ги, и как их скопить! Как из нишей пенсии отложить пару сотен, под подушку спрятать! – Строго ответила я. – Есть ещё другое, такое, что душу греет...

– Пухова шаль?

– Ватна кофта?

– Шерстяной платок?

– Дуры! – Вскрикнул вдруг Антипушка. – Ни чё вы не понимаете!

В это время неожиданно раздался треск. С крыши, прямо в крапиву скатился Модестович, отчаянно охая.

– Ой, убилися.

– Ой, умирает!

– Замолчите!

Антипушка пригрозил нам пальцем.

Крапива была молодой, но жгучей, и её было так отчаянно много, оттого что я, замкнувшись на своих проблемах, не полола сорняки во дворе. Модестович лежал неподвижно! Что за странное место – эта Берозвонь! Уважаемый человек, прекрасный кровельщик по имени Матвей, вдруг превратился в простого деревенского Модестовича, да ещё оказался в жгучих зарослях крапивы, соскользнув с трёх-четырёх метровой высоты!

– Он не шевелится! – воскликнула одна из бабушек.

– Надо Скорую вызвать! – Предложила я, вынимая из кармана сотовый телефон.

– Зачем? – Антипушка снова приказал нам. – Отнесём в лес! А-то подумают, что мы его грохнули!

– Нет, это несчастный случай! – Возразила я.

– Ага! Поди докажи. Нам не поверят!

Антипушка поманил пальцем старух:

– Айда за мной! Томилова, бери покойника за ноги. А ты, Милованова, помоги ей!

– То есть мы скажем, что Модестович упал с дерева? – Усмехнулась я.

– А как же! – Кивнул Антипушка, подтаскивая Модестовича к крыльцу.

– Тогда что он на этом дереве делал?

– Ну, весна же! – добавила бабушка Галя. – Захотел полюбоваться пейзажем.

– О-го-го! – Съязвила я. – Простор залюбуешься. Жидкие берёзки, ржавая жижа болота и просека, безобразно вырубленная для нефтепровода. Чудо!

– И руки у него в ондулине вымазаны! – Тоже засомневалась бабушка Люся.

– А мы их отмоем в колодезной водице! – Догадалась бабушка Галя.

Я не знала, что сказать, как бороться с деревенской наглостью:

– Несите в дом! Он же человек!

Антипушка почесал затылок:

– И то верно, ночью утащим. А то разговоров не оберёшься...

– Томилова, держи его за ноги! Поворачивай в дом! – Согласилась Томилова.

– А ты, Голуба, за голову придерживай! – Приказал Антипушка, настойчиво оттаскивая Модестовича ближе к двери.

Мы медленно втащили бедного Модестовича на крыльцо. Но тут случилось страшное: гнилые доски треснули, и мы все четверо рухнули вниз.

– Суки! – Услышали мы голос покойника. – Вы чего?

– А чё? – Не растерялся Антипушка. – Нечего падать среди бела дня во дворе чужого дома! Падай у себя. У нас нельзя!

Со стороны картина была смехотворной! Бабушки сидели сверху на животе Модестовича. Антипушка тянул покойника, теперь уже бывшего, за спущенные штаны. Я находилась сверху, прильнув грудью к лицу кровельщика. Кофточка моя растянулась, пышная грудь, покачиваясь, касалась щёк Модестовича. Щёки мои пылали, я так запыхалась, что постанывала.

Кровельщик с трудом выполз из-под груды тел.

– Ты нам ещё и крыльцо поломал! – Невозмутимо вскрикнул Антипушка. – Придётся ремонтировать!

– Ох, он такой неустойчивый! Придётся опять в лес тащить! – Сказала Томилова.

– В лес? Зачем? Да вы маньяки! – Модестович испуганно отполз на четвереньках к забору.

– Ага! – Расхохоталась я. – А ещё мы людоеды и извращенцы!

– И секса у нас, почитай, как сто лет не было! – Добавила, хихикая, Томилова.

– Ты у меня вообще первым мужчиной станешь! – Рассмеялась Милованова. – Я ж целка!

Мы так развеселились, что бедные сороки соскочили с берёзы и ринулись в панике в лес.

«Буров, это было первое веселье после нашей разлуки. Я снова начала улыбаться. Зелёный Куб лежал в коробочке на столике возле забора. Скоро, скоро ты получишь его! И магические знаки будут змеиться в своих ладонях. Радостно! Огненнонежно! Читай! Вникай! Углубляйся в мои мысли! Входи в мои измерения. Становись их частью! Маленькой жаркой змейкой в скорпионьем ядовитом позвончике чисел! И таинств судьбы!»

...Колечко было симпатичное. Но носить я его в данный момент не могла. Слишком глубока рана. Поэтому подарок лежал в шкатулке. На даче.

Я решила съездить туда. Просто так.

Хотя, конечно, я лгала себе. Мне хотелось снова окунуться в атмосферу счастья...

Прошлой, безоблачной жизни.

Мне хотелось надеть кольцо. Мне хотелось вспомнить запах тела Гордея, нежное тепло подмышек. Поэтому я оставила Модестовича отлёживаться на моей кровати в сенях до лучших времён и отправилась в садовое товарищество «Лемур», что находилось на окраине города. Да и землю на даче уже пора было обрабатывать, грядки вскапывать. Там, наверно, крапивы столько же, сколько на участке моего нового домика в Берозвони. И она такая же жгучая, ярко-зелёная, с нежными шипучими стеблями.

Я надела старые джинсы, застиранную футболку. Но туфли напялила новые, купленные вчера оттого, что погода была

ясная, а у меня кроме резиновых сапог ничего другого на полке для обуви не нашлось.

Полдня я прокопалась в дачном домике, наводя там порядок, затем вышла на участок, решив, что до темна успею вскопать пару грядок. Но только вонзила черенок лопаты в жирную, влажную землю, как зазвонил сотовый телефон:

– Люба, собирайся, сегодня в «БИНАС»-е концерт...

– Нелли, ты с ума сошла, я – на даче! У меня дел – невпроворот! Надо кусты малины подвязать, клубнику прополоть.

– Приезжай, не пожалеешь...

– Странно, я никогда не увлекалась художественной самодеятельностью. Или на сцене будет выступать звезда эстрады? Заграничный ансамбль? Или сам Баско-о-ов? – пошутила я.

– Лучше! – Воскликнула Нелли. – Буров Гордей Ильич будет исполнять песни собственного сочинения. Вход бесплатный.

– Ой... но у меня нет с собой приличной одежды. Я – в старых джинсах...

– Езжай в магазин, что за углом, купи что-нибудь недорогое. Через час начало. – Голос Нелли был бодрым. Она знала, что «я хочу видеть – этого человека», этого Бурова! Хотя бы одним глазком! И что я буду счастлива просто пожать ему руку в случае успешного окончания концерта!

Я не замедлила со сборами: не стала выдёргивать лопату, плотно вдавленную в землю, заперла дверь дачи на ключ и села за руль. Действительно в магазине на окраине города продавалась одежда, правда не то, что мне надо. Но подобрать новую кофточку и юбочку мне удалось. Кроме этого, моё внимание привлекла куртка, она была рыжеватого цвета, какого-то немыслимо ковбойского покроя. Там же висела шляпка, правда с короткими полями, но тоже рыжекоричневого оттенка. Я всё это надела на себя, расплатилась за покупку и отправилась в ТСЖ.

Гордей явно не ожидал, что я припрусь на его концерт!

3.

Он увидел меня, когда выходил из импровизированной гримёрки. В его взгляде сквозила нежность. Но выглядел он напряженно. Я поздоровалась, точнее, старалась как можно веселее поприветствовать Гордея! Хотя голос мой дрожал. «Ну, что за мексиканские страсти! – Подумала я. – Что за бульварщина! Голуба, ты не какая-нибудь дама, не уважающая себя. Ты – гордая, весёлая, ироничная особа! И ты знаешь себе цену! А ковбойский костюмчик на тебе, как влитой, подчёркивает твою пышную грудь! И шляпка тебе очень в лицу, ты в ней – милашка!»

Нелли подошла ко мне сзади. «Хороша! – Восхитилась она. – А говорила потёртые джинсы. Лопата, грабли! Даже губы успела покрасить!»

Звезда местного разлива – Буров Гордей прошёл на сцену. На столике лежал его берет, в углу браво сверкал меч. Действо обещало быть интересным. «В зале», то есть в комнатухе ТСЖ, находилось немного народа. В основном женщины бальзаковского возраста. Нелли села рядом со мной.

– Гля, Голуба, сколь баб! – Охнула она. – Интересно, кто та самая, новая пассия Бурова?

– Вон та, молоденькая, с тремя малолетними детьми, – сказал я, обводя взглядом присутствующих.

– Скорее вон та блондинка с вялой, спущенной, как майские шарики, грудью...

– Какие эти барышни все депрессивные! – Прошептала я на ухо Нелли. – Словно после наркодиспансера.

Мы могли долго злословить на эту тему. Но на сцену, к стулу и мечу выскочил Буров. Я смотрела на него, как заворожённая. Он, право, был хорош. Новая белая рубашка, словно парус «в море одинокий», была свежестирана, модные лёгкие туфли...

В одном из своих сообщениях я разглагольствовала, желая насолить Бурову о его не умении одеваться. Я писала, что у него старомодная одежда. И вот на тебе, Голуба – щёголь пер-

вой категории пред вами! И зачем я только так злилась, зачем была столь иронична, отчего не пожалела, хотя бы саму себя!

– А вот и начальство! – Прошептала Нелли, завидев, что в комнату вошёл Пospelов – председатель ТСЖ.

– В ложу садятся! – Усмехнулась я.

– Привет! – поздоровался Пospelов, устраиваясь возле меня на стуле. – Как дела?

Я кивнула.

– Как ты красива, Голуба! – произнёс он вполголоса, но Гордей услышал эту фразу, раскраснелся.

Я поняла, Буров ревнует меня! Значит, жива любовь! Значит, есть ещё она – заноза в сердце! Целый шип от розана – острый, царапающий в кровь...

И я успокоилась...

Надежда согрела моё ретивое... Я внимательно стала вслушиваться в слова Бурова, в мелодию его голоса. Мне нравилось всё! Безоговорочно. Как Буров театрально прохаживается по сцене. Как он размахивает кинжалом, показывая мускулы. Как он, то громче, то тише произносит слова. Я утопала в интонациях, звуках, в музыке, в ритме, в солнечных сплетениях подмостков... в пылинки на подоконнике, в лучики на лицах зрителей.

– Антракт! – Объявил Пospelов и схватил меня за руку. – Пошли, чаю попьём!

– Я с вами! – Понимая, что мне не очень бы хотелось уединяться с Пospelовым, произнесла Нелли.

– Идёмте! – согласился председатель ТСЖ. – У меня конфеты есть.

– С орешками? – усмехнулась я.

– А как же, – схватив меня за локоть, – ответил Пospelов, – и с ромом!

– Ах, ах, – Нелли шла за нами, не отставая, – какой вы романтик! Давно мечтала о таком приёме...

– В честь чего концерт? – Спросила я, усаживаясь на кожаный диван в кабинете Пospelова. – Праздник, что ли какой? Или так?

– В целях повышения морального уровня жителей нашего ТСЖ! Буров давно хотел побывать у нас...ознакомиться, так сказать, с обстановкой. – Щёки председателя порозовели. Пospelов на первый взгляд мужчина красивый, лёгкая походка, певучий голос, бархатные ручки. Но что прошло, то прошло...Словно небывалый сбор яблок. Был урожай, нет урожая. Я помнила только погружение внутрь, какой-то лёгкий ветерок...Пospelов мне был дорог, но чисто по-братски. Я могла бы с ним дружить – крепко, неистово, отдавая последнюю рубашку. Точнее ковбойскую куртку, да и шляпку тоже.

– Раздобрите! – Скомандовал председатель. Я подчинилась, скинула Пospelову в руки свой рыже-коричневый наряд. Точнее верхнюю одежду.

– И кофточку успела прикупить! – Ахнула Нелли, разглядывая кружева на блузке.

– Эх, хороша Маша да не наша, – улыбнулся Пospelов, разливая чай.

– Ей не до этого сейчас. Она наследство получила. – Констатировала Нелли.

– Слышал, слышал, о вашем неожиданном счастье, Голубушка! Ну и как, довольны?

Я в ответ лишь пожала плечами. Домик в Берозвони послужил камнем преткновения в отношениях с моим Буrowым. С этим выдающимся артистом, дающим концерт на подмостках доморощенного театра.

– Если не очень нравится, то продать можно! – Подхватила разговор Нелли.

– Да, у Голубы ещё дачка есть. Не так ли, дорогая? – Кивнул Пospelов.

– Богатая невеста! – дожёвывая печенье, ответила я.

– Домик Кнопки продать можно! – Кивнул председатель.

– Или в аренду сдать. – Добавила Нелли.

– Или самой жить! – Тон моего голоса был таким, что Нелли и Пospelов примолкли. – Там такие соседи! Как я их брошу? Старушки, козы, кошки. Юродивый Антипушка.

А на другой улице и того лучше – Каренина, Матрёна, Лёва... А какие там дожди! Пахучие, грибные! Закаты розово-печальные, молчаливые, задумчивые. Солнце степенное, оранжево-мелодичное. Нет. Дом мой. Я уже ремонт затеяла. Крышу мне Матвей Модестович переделывает, наличники покрасит. Будет не дом, а загляденье! А квартиру я свою сдала в аренду. Чего добру пропадать?

В этот момент в кабинет Пospelова вошёл Буров.

– Я попрощаться! – строго сказал он, стараясь не глядеть в мою сторону.

– Так идите уже! – Зло сверкнула глазами Нелли.

– Ну, нет, отчего же, почаёвничайте с нами, Гордей Ильич! – Предложила я Буrowу, вскакивая опростетью со своего места. – А мы порадуемся за ваш успех. Спасибочки! Угодили!

– Вам понравилось? – Гордей подошёл к Пospelову, пожал ему руку.

– Да! – Я схватила ладошку Буrowа и сжала её тоже, стараясь как можно дольше удержать его руку в своей. Мне показалось, что Гордею также не хочется, чтобы его ладонь выскользнула рыбкой из моей – такой тёплой, ласковой. Или мне это только показалось?

– Правда?

– Ага!

Буров немного помялся.

– Наливать чай? – Пospelов словно спугнул прекрасную нежную бабочку, редкую. Мы разжали руки.

– Гордей, тебе Антипушка передал то, что просила? – решила спросить я моего любимого про подарок.

– Да! Сегодня утром приходил. Важный такой! – усмехнулся Буров. Милые розовые губы! Возбуждающий тугой рот! У меня запорхали птички в животе. Розовые, синенькие. Загалдели! Попугайчики базарные, сиреневенькие...

Я хотела Буrowа ужасно!

Я пропала навсегда. Я умерла. Я не могу воскреснуть, как мне было предназначено...

Буров приобнял по-дружески Пospelова. Они были давнишними друзьями...

Всю дорогу обратно я молчала. Нелли тоже не задавала никаких вопросов. Она мне предложила заночевать у неё, чтобы не тащиться в Берозвонь, на ночь глядя. За Модестовичем присмотрят старушки, если надо, ужином накормят. Травки заварят, отпоят, бедненького! А у меня – стресс! Любимый любит, но не желает возвращаться ко мне.

Я боялась лишь одного: вдруг заболею, меня отвезут в больницу, а я буду на кровати лежать без косметики, с блёклым лицом. И мой Гордей, войдя в палату, чтобы сделать обход больных пациентов, увидит меня такой – беспомощной, болезной, всю в слезах. Я хочу умереть красивой! Чтобы мои косы лежали на груди – величаво, русоволосо. Чтобы было всем жаль такой неземной, галактической, коленопреклоненной Голубушки! Плачь, плачь, Буров, рыдай – песенно, стихотворно, по-человечьи глубоко и горько! Научись этому небесно солнечному слогу, язычески идоло-поклонному, так умеют изъясняться юродивые, так умеют звенеть токманцом, охраняя владения Берозвони, этого утопического острова, о котором мечтали героини Уэллса. А в предзакатную голубиную пору наша Берозвонь поднимается на несколько сантиметров над землёй и парит облачком возле туманов. А после также плавно опускается на грешную землю, находящуюся в ожидании апокалипсиса. А пока – а пока апокалипсиса! Но можно так прождать века, но не дожидаться!

Мы с Нелли долго болтали, сон никак не шёл.

– А этот Пospelов – не плохой мужчина!

– Плохих мужчин на белом свете не бывает, – выдохнула я, ворочаясь на мягкой постели, которую мне постелила Нелли, под плотным ватным одеялом, – бывают любимые и не любимые!

– Чем всё-таки тебе не угодил Пospelов? Тем, что женат?

– Не в этом дело, Нелли! Ну, как-то не заладилось, пазлы не сложились. Не та мозаика. Не тот цвет, вкус, запах. Понимаешь, мужчина должен подойти на все сто. Да и угрю-

моватый он. Выспренный. Хотя, не скрою, было несколько моментов, когда мне казалось, что любовь рядом...

– А потом?

– Я ушла к Бурову.

– Отчего ты не сошлась с ним сразу?

– Нелли, я себя чувствую, как на допросе. Если бы да кабы, выросли бы в Берозвони зимой грибы!

– Но всё-таки, Голуба! – Не унималась Нелли, позёвывая на кровати.

– Чтоб узнать, что Гордей лучше. Так сказать, сравнить! – отшутилась я.

– Но Буров внешне выглядит хуже Пospelова, низкоросл, пухловат. Опять-таки песни, романтика, в нашем веке это не модно! А Пospelов более прагматичен, рассудителен. И, я думаю, что он готов уйти от своей Пospelихи. Его дети выросли, разъехались в разные города и страны.

– Ты думаешь, моя задача, во что бы то не стало, выскочить замуж? А бы за кого, лишь бы в загс сходить? – Я чувствовала, как сон обволакивает меня. – Сама-то что в разведёнках ходишь?

– Ой, Голуба, сравнила! Во-первых, я не такая стройная, как ты, я – толстая, а во-вторых, я уже наелась этого замужества до отвала! Еле-еле избавилась. И снова в тюрьму? Снова на каторгу? К плите и холодильнику? Хватит! Б-р-р...

– Значит, ты не хочешь терять свою свободу, а я должна непременно надеть кандалы? – Отшутилась я.

– Ладно, как знаешь. Дело хозяйское...

– Но тогда отчего ты почти полгода отказывала Гордею?

– Опять двадцать пять! Я Пospelова хотела. Как чумная!

– Значит, Гордей – это пир во время чумы?

– Пир после чумы! Спи, Нелли!

– Спи сама!

Нелли тяжело перевернулась на другой бок. Эх, подружка! Как ты любопытна!

Вот Антипушка не такой. Он сам загадками говорит и мои тайны уважает. Не лезет туда, где у меня болит, то есть вглубь моей омутной, звёздной души!

И подарочек отнёс, как я велела. И обратно вернулся – гордый такой, как партизан, выполнивший задание командира.

Зелёный Куб – это просто песня! Гордей разглядывал сувенир долго, он повертел его, но никаких знаков и судьбоносных чисел не увидел. Поэтому решил: Голуба ищет уловки, чтоб снова сблизиться. Но ведь он ясно дал понять – к старому «возврата больше нет». Пути-дороги запорошило, завьюжило.

Прощай, моя любовь!

И да здравствует тягучая, калмыцкая песня про разлуку! Про маленькие пушистые хвостики бурундуков, заметающие следы! Про воздушные сиреневые следы на снегу... Утром я получила от Бурова сообщение: «Я твои письма переписываю в тетрадь! Набралось уже четыре страницы!» «Хочешь заполнить пятую?» – спросила я и начала тут же писать о том, что я люблю его и скучаю... Слова были такими роскошно тягучими, томно раскрепощёнными... Мне хотелось снова поймать Гордея в сети, мне хотелось, чтобы бурундучки грызли орешки из моих рук, мне нужны были те, наши незабываемые дни!

Я понимала, что Гордей думает обо мне, иначе зачем переписывать мои телефонные сообщения в тетрадь? И самое главное, что он мне начал отвечать на мои эсмски! Это было маленькой, но победой. Значит, встреча в ТСЖ не прошла даром. Ледяная глыба молчания Гордея начала медленно подтаивать. А там, глядишь, совсем исчезнет, утечёт, впадая в другие ручейки и речушки. И наполнятся мои дни словами...

А, может, и ещё чем-нибудь таким приятным-приятным...

Ощущение беды стало исчезать. Видимо, Зелёный Куб как-то действовал. Ибо ничего мне не помогало ранее. Ни заверения о том, что я не меркантильна, что я готова отдать свою жизнь Гордею. Ни клятвы о вечной верности и преданности. Ни мольба сжалиться, оттаять, перестать игнорировать мои звонки. Ни детская печаль, ни объяснение в любви...

И вдруг первая ласточка: «... твои письма... Голуба...»

А, может, завтра позвонит? А вдруг?

С утра, приехав в Берозвонь, я тут же отправила Бурову несколько сообщений, умоляя его о встрече. Я ему писала, что, мол, давай увидимся просто так, без обязательств, всего один раз, всего на минуточку...

Модестович, оправившись, мелодично стучал молотком по крыше. Видимо, воздух Берозвони имел какое-то лечебное свойство, если мужчина поднялся на ноги, так быстро вылез из дома. Старушки принесли Модестовичу парного козьего молочка. Антипушка дал мазь для натирания, приготовленную из каких-то травок и корешков, настоящую на медвяном клевере и медунице.

Что не папоротниковую накипь? Что не багульниковую росу?

Станный, добрый, милый Антипушка, окунёк пучеглазый, плавничёк крашенный!

Но все мои сообщения остались без ответа. Неужели Гордей и впрямь с новой барышней? Ой, лихо мне, лихо...

Но вечером четвёртого мая вдруг раздался звонок. Я заметалась по дому, хотя телефон лежал рядом на облупленной от старости тумбочке.

– Алло! – выдохнула я, стараясь, чтобы мой голос звучал не так взволнованно, но маняще и эротично.

– Привет, Голуба! Ты не занята? – Гордей говорил обычным, чуть деловым тоном.

– Нет. Нет. Что ты! – Я приглушила звук телевизора, нажав на кнопку пульта.

– Ты пишешь, чтобы встретиться в среду.

– Да, да! Я хотела тебя поздравить с Днём рождения... – я цеплялась как за соломинку, я хотела выплыть из водоворонки, засасывающей меня вглубь глупой реки по имени Разлука.

– В среду десятого я занят. Меня будут чествовать коллеги по работе.

– Понимаешь, я уезжаю! – Неожиданно заявила я, хотя никуда не собиралась отлучаться. – Далеко и надолго... Давай попрощаемся по-человечески...

– Хорошо. Ты когда уезжаешь?
– Двенадцатого ... – Соврала я.
– Значит, вечером перед твоим отъездом сходим в кафе. – Гордей произносил слова чётко, словно диктовал лекцию о вреде антибиотиков своим студентам или говорил с подчинёнными. – Но только для того, чтобы поговорить. И всё.

– Ладно. – Я тоже могла включать металлические кнопки...
И могу быть такой, какой тебе, Гордеюшка, надо! Любимый! Единственный!

Я до сих пор храню в телефоне надпись о входящем звонке. Всего-то одна минута и двадцать семь секунд продолжительность нашего разговора. И время – четвёртое мая, в двадцать один час и восемь минут. У меня не хватает духу стереть из памяти телефона эту запись...

Но куда же мне ехать? Спасать людей в Ираке? Помогать беженцам? Устроиться волонтером в зоопарк, чтобы кормить новорождённых обезьянок на Кубе?

А не лучше ли признаться любимому, что не могу без него жить?

Я тут же позвонила Нелли, чтобы сообщить новость!

– Не ври! – Выпала подруга. – Вечно ты сочиняешь, Голуба. Быть того не может, чтобы Гордей тебе позвонил. У него другая есть любовница! Он же сам тебе это сказал через Антипа.

– Тебе что доказательства предъявить? – Усмехнулась я. Меня обидел жёсткий тон Нелли.

– А у тебя они будут?

– Может фото привезти с нашей встречи? Может, все позы показать? – Я разозлилась не на шутку. Тоже мне «ты, Голуба, часть меня...», «если надо, помогу...» А ещё подруга!

– Даже секс будет?

– Мне главное помириться! – Твёрдо заявила я. – Всё остальное не главное. Я могу с ним просто дружить. Мне он нужен в любых ипостасях.

– Ах, ах, какие жертвы! Дружба навеки! – Нелли немного смягчилась. Может, она вправду не верила в наше примирение с Буровым? Я знала, что Нелли упряма.

– Разве я плохая подруга? Со мной надо обязательно спать? – Я отчего-то в этот миг жалела Нелли.

– Хорошо. Рада за тебя.

– У меня в телефоне осталась запись о звонке Бурова. Я её нарочно стирать не буду. – Заверила я подругу. Мне расхотелось откровенничать о том, каким путём я склонила Бурова к встрече. Этого разобиженного, гордого, но такого родного человечка!

Антипушка тоже не поверил, когда я ему рассказала, что Буров сам позвонил. Что мы увидимся с ним на следующей неделе!

– Неужто наладилось? Зачем же тогда меня вовлекли в свой скандал. Душу мою чистую в грех ввели? Ах вы, злодеи! – старичок нервно прошёл по моему двору. – А ещё гоняли два раза туда, сюда. Скажи то, скажи другое! Отдай третье. Отнеси четвёртое! Я что ль голубь почтовый?

– Не злись, не червьешь душу сам! – Я расхохоталась. – Видимо, всем вам нравилось, что мы с Гордеем в ссоре? Вы питались этими эмоциями, раздором. Вам нравилась война! Какие вы кровожадные! Я месяц хожу сама не своя. А вы кайфуете, поганцы!

– Ладно, Голуба, чего ты! – Антипушка прищурился. – Гля погода наладилась...

– Ты мне зубы-то не заговаривай! Погода... солнце... Сама вижу, что не снег! – Я примирительно села на лавочку возле дома. – Уезжаю я...

– То есть? – Антипушка сел рядом. – Куды ты ты?

– Не скажу.

– А на свиданку пойдёшь?

– Нет.

– Он позвал, а ты не хошь? Разлюбила?

– Хочу. И люблю его по-прежнему. – Я потёрла лоб от волнения.

– Так чего же. Что за спешка?

– Дела у меня. Срочные. – Снова соврала я.

– Тю-ю...

– Вы тут за домом приглядите. И чтоб Модестович больше не падал...

– Лады...

– Пойду я. Вещи соберу.

Я кивнула Антипушке и отправилась в дом.

4.

Честно говоря, водила машину я так себе. И права у меня купленные, я два раза проваливала экзамены в ГИБДД. Но за три года я более-менее научилась управлять своим Рено.

Я попрощалась с соседями. Бабушки напекли мне в дорогу пирожков с капустой, как я люблю. Антипушка не отходил ни на шаг от моего дома, приглядывая, как работает Модестович. Старик был так бдителен, что работник нервно поёживался, вколачивая очередной кровельный гвоздь.

– Да что ты так твою разэтак, – ругался Антипушка, – правее бери, сказано. А-то платит не станем! –

– Так и не надо! – обижался Модестович. – Мне Голуба заплатит! Она не как вы, умная!

– А мы что дураки?

– Не то ли что глупые. А какие-то не такие! – Отвечал Модестович, грозно хмурясь. – Лучше подсоби, старый, подай-ка вон тот лист, что с краю. Да аккуратно, сам не свались!

Я с горьким сердцем покидала Берозвонь. И, по правде, ехать мне было не куда. И водитель я ни ахти какой...

«Ладно, махну в Москву! – Подумала я. – А там видно будет, чем заняться...» Скорость была не большой, ближе к вечеру я добралась до Вязников. Решила заехать в город – раскидистый, разметавший свои улицы хаотично. Свечерело. Солнце быстро скатилось за горизонт. Я выехала из города. Нажала на педаль газа. Вдруг на дорогу выбежал ёжик. Он явно торопился, если пересекал трассу прямо чуть ли у меня под колёсами. Я нажала на тормоз. «Стоп, Голуба! Съездить ты съездила. Ёжика не задавила, а наоборот, спасла ему

жизнь, резко затормозив. Поворачивай обратно! Тем более ты никому не обещала, что уедешь далеко!»

Я снова выбралась на трассу и помчалась в противоположном от Москвы направлении. Неожиданно налетела гроза, этакая строгая, кричащая не своим голосом дама, плаксивая, огнеподобная! Лей, лей, дорогая, так мне и надо, упрямой, глупой дуре! Зазвонил телефон. Это была Нелли. Я не ответила. Аппарат затренькал во второй раз. Антипушка. Ну, нет, дудки! Я от бабушки ушёл и от дедушки ушёл. Вот от себя бы ещё уйти! Чтоб не думать ежеминутно о Гордее! Не может быть, что у него есть другая барышня! Его возлюбленная – я! Я одна – навеки! И пусть гроза поспорит со мной. Пусть она катит свои дождевые волны на меня. Пусть плещет в лобовое стекло жёлтыми, лунными разрядами, пусть грохочет раскатами космических стрел! Я еду домой! Еду и всё тут!

Глубоко за полночь я тормознула возле ворот «Лемура». Ну, не в Берозвонь же ехать! Пусть думают, что я уже далеко... Пусть решат, что родственников задумала навестить! Кстати, где-то в Сибири у меня есть двоюродные братья! Есть ещё тётушка в Питере...

Ворота мне открыл охранник по имени Федот. Он позёвывал. Я его наверняка разбудила. Оторвала от тёплого, пружинистого дивана, где он нежился под пёстрым пледом.

– Простите! – Нежно произнесла я.

– Ой, Голуба! – Ответил Федот. – Что это вас приспичило? В такую непогоду? Муж выгнал?

– Я не замужем. Причём глубоко и надолго! – Парировала я, въезжая за ворота «Лемура».

– Ой, не зарекайтесь. С вашей-то красотой! – Федот служил в товариществе «тыщу лет». Он был из породы мужчин, чей возраст всегда не больше сорока, хотя ему наверняка было уже около шестидесяти.

– Даже в темноте видно мои неземные черты лица? – Отшутилась я, благодаря Федота за его заботу.

– Так я же мартовский кот! Точнее майско-октябрьский, пока сезон дачный не закроется! Всё вижу! – В тон мне от-

ветил охранник. – Езжайте, Голуба. Сегодня свет дали. А-то вчера не было! Чайку попьёте! Могу заварки дать. У меня с мятой!

– Не надо! – Я ловко вырулила в глухой переулочек.

Дождь лил как из ведра.

Лопата, которую я воткнула намедни со всей силой в жирную грядку, белела издалека.

«Вот съездила! – усмехнулась я про себя. – Путешественница! Сильны ли впечатления? Хороши ли фотки? Шумит ли море-океан?»

Я вошла в домик. Включила свет. Лампочка тускло мигнула. А прямо с неё соскочил мотылёк и ринулся в испуге на меня. Он попал мне в лоб и свалился куда-то под ноги от страха. «Убил! – Поморщилась я. – Так мне и надо!»

Странно, но именно сейчас мне стало легче. Как-то упрямее что ли. В холодильнике я нашла остатки вафельного торта. В буфете, в банке из-под кофе – чай. Только мы, русские, можем хранить в жестянке с заграничным названием coffee тусклые бумажные пакеты совсем другого напитка. Ой, как хорошо мне звезданул в лоб этот мотылёчек! И ведь знал куда. Снайпер!

Давно бы так, чтоб не мучилась от этой звездной, туманной, андромедовой любви. О, травы, травы, которые накрыли бы меня сверху. О реки, реки, что потекли бы сквозь моё тело. О, нежные, плакучие ковыли, туманы, родины моей...

Я проснулась чуть ли в полдень. Меня разбудил телефонный звонок.

«Я в другой стране! Отвечать не стану!!! Уезжать, так уезжать! В роуминге моя душа...» – Я отключила телефон. Повалялась ещё немного под тёплым, пахнущим прелыми листьями одеялом.

И вообще отключить надо этот аппарат. Занята я... дела у меня... я буду купаться в ручейке под горой. Ходить за водой на колодец. Отовариваться в местном магазине чёрствым хлебом и килькой в томате. Романтика!

– Голуба, – услышала я стук в дверь, – ты жива?

Это был Федот.

– Более чем! – Я накинула халатик и босиком выскочила на крыльцо.

– Ты чего разутая? – Федот укоризненно покачал головой.

– А вы чего вдруг? Что-то случилось? – Мне было радостно. Я потянулась и зевнула.

– Так я звонил вам по телефону. Вы сбросили. Дай, думаю, узнаю, что да как! – Охранник мялся возле порога дачи.

– А что могло со мной стать? Копыта отрасти? Шерсть вылезти?

– Вечно у вас шуточки. Вот вы всю жизнь такая – хи-хи, ха-ха. А мужики любят сурьёзных барышень, поэтому и не замужняя вы! – Констатировал Федот.

– А, может, рога у меня? Крышу проломили? А? – Не унилась я.

– Ну, ну. Теперь ясно. Вам любимый изменил! Поэтому вы и приехали сюда: в тьму, в грозу. Сбежали от него. Поэтому и телефон вырубил, думали, что это он вас разыскивает...

– Не на ночь глядя. А под утро я сюда заявила! Федот, простите, что вас побеспокоила! Вы, наверно, решили отомстить и разбудить меня тоже! Счёт один-один. Ничья! Ура!

– Я вам продуктов принёс. – Охранник обиженно поджал губы. – Ну и язва вы – Голуба!

Мне стало жаль Федота. Человек старался. А я такая неблагодарная...

– Ладно. Буду толстеть! Сейчас деньги отдам! Сколько с меня? – я достала кошелек из сумочки и протянула охраннику несколько купюр.

Федот взял пару сотенных бумажек. Положил пакет на крыльцо и, молча, удалился.

– Спасибо! – Крикнула я охраннику в след. Ну вот, ещё один обиженный. Количество их растёт, как грибы после дождя под листьями в лесу, плодятся. Но настроение у меня не ухудшилось. Наоборот, мне было по-прежнему легко. Федот подует и отойдёт. Забудет обиду. Я этого человека знаю давно. И соседи тоже рассказывают, что, бывало, рассердит-

ся Федот, а через пару дней снова улыбается, стоя у ворот, как ни в чём не бывало. Отходчивый... Вот бы Буров тоже забыл свою обиду...

Я взяла пакет и внесла его в домик. Ой, чего там только не было. Ветчина, сыр, консервы, конфеты...

После завтрака я взялась за сорняки.

День прошёл незаметно. Меня всегда успокаивала такая работа – лопата, грабли, чёрная жирная земля. Следующий день был похож на предыдущий... Двенадцатого мая я всё-таки не выдержала и включила сотовый телефон. Двадцать четыре не отвеченных вызова. И ни одного от Бунова. Сегодня мы должны были бы встретиться в кафе. Но я – в отъезде! Я в морях-океанах! За Полярным кругом! В такой точке земного шара, какой ещё нет на карте. Ищите меня! Пусть поволнуется! Пусть подумает обо мне! Как я думаю о нём! Я знала, что Гордей пунктуален, как все врачи. Если назначено на двенадцатое на шесть вечера, значит, непременно это должно быть. А вот фиг тебе! Хватит мне вообще унижаться, вымаливать прощение! Выпрашивать, как подаяние, мол, сжался, снизойди до меня, грешной! Уехала я! Как и обещала, исчезла! Нетути! Нетутюшечки! И рога мне не нужны! Я их с корнем вырвала! С мозгами! Со всеми моими мыслями! Фантазиями! Боже, как я рисовала нашу встречу в своём воображении! Я чувствовала даже его поцелуй на своей щеке, затем на ладошке. И ниже, ниже...

Я чуть ли не через каждый час доставала сотовый телефон, проверяла, нет ли сообщений от Гордея. Неужто запомнил? Или ждёт, что я позвоню первой? Или Антипушка разболтал, что я в отъезде. Ох, уж этот крашенный клоун! Вечно он путается под ногами! Мог бы помолчать, пусть бы Гордей помучался чуток в ожидании вестей от меня! Так нет же, сбегал к Бунову во флигель и разрезвонил о моём отсутствии. Но... Гордей всё равно мог бы позвонить, хотя бы для того, чтобы осведомиться – где я!

Ощущение брошенности, ненужности отчаянно овладело мной вновь. Отчего я не знаю нашего с Гордеем будущего?

Почему Зелёный Куб работает в одностороннем порядке – рассказывает лишь о прошлом, которое мне и так известно? А не съездить ли снова к торговому центру, чтобы встретиться с беспризорником и Хоттабычем? Авось, что-нибудь разужнаю!

Я оглядела свой ухоженный сад: всюду цвели тюльпаны и чадили хищным ароматом нарциссы. Редиска уже проклюнула свои первые звёздочки, лук жадно зеленел. Сколько можно вкальвать? Пора, Голуба, жми на педали!

Но сколько я не прогуливалась по торговому центру, сколько не сидела на скамейке, ко мне никто не подошёл. «Видимо шайка аферистов во главе с Хоттабычем переехали в незнакомое мне место. Кому-то другому дурманят мозги!» – Решила я и отправилась на рыночную площадь. И вдруг, о, удача! Я увидела старика и мальчика, которые степенно прохаживались вдоль рыночных рядов. «Сладкая парочка», как окрестила их я, на сей раз выглядела презентабельно! Ветр был в чистом костюмчике, старик во фраке.

– Привет! – Окликнула я «Сладкую парочку». – Мне надо непременно знать, что меня ждёт! – Я вцепилась в рукав Хоттабычу.

– Вы ошиблись, гражданочка. – Старик холодно взглянул на меня. Затем он схватил мальчика за руку и добавил:

– Эта тётя ненормальная! Идём скорее!

– Нет. Я вас узнала! Вы мне всучили, пару недель тому назад, Зелёный Куб... Мальчика зовут Ветр! – Напомнила я Хоттабычу.

– Я вас впервые вижу. Идём, Петя!

«Сладкая парочка» стремительно ринулась к выходу. Причём старик так быстро передвигался, словно ему было не больше восемнадцати лет! Я застыла в недоумении: как мне быть? Догнать этих аферистов или не надо?

Вдруг Ветр оглянулся, проходя мимо прилавка, где торговали фруктами, и крикнул:

– Персики. Перст. Перс!

– Перстень! – Догадалась я. Беспризорник намекает на то,

чтобы я внимательнее взглянула на сувенир, приобретённый мною у него вместе с Зелёным Кубом! Как же я могла забыть про перстень, который я положила в бардачок? Отчего не придала значения безделушке из пластмассы...

Я ринулась на стоянку, где оставила Рено. Открыла дверцу. Дрожащими пальцами нащупала перстень. Достала его. И лишь тогда облегчённо вздохнула. Я села на переднее сиденье. Сердце бешено колотилось. Затем я нажала на кнопку закрывания дверей на пульте и лишь тогда принялась разглядывать пластмассовую поверхность перстня. Ничего, ни каких цифр, гладкая ровная округлость... дешёвка! Обман! Опять обман! Меня все бросили, все предали! Антипушка, который принёс недобрую весть. Нелли, которая мне клялась в верной дружбе. Марья-Кнопка, которая нарочно подсунула мне своё наследство. Коза, которая плохо доилась, и бабушка Галя по утрам ругала её на чём свет стоит: «Несчастное ты животное! Рогатая, убогая-я-я!»

А я – тоже рогатая, я – тоже коза Манька!

Меня предал Модестович, обещавший починить крышу за неделю. А сам уже три недели ковыряется. Да ещё свалился, ушибся! Отлѣживался, словно у меня лазарет! Иди в больницу к Гордею Ильичу, пусть тот лечит тебя. Он знает, из чего состоит печень бурундука! Он видел её жёлтовато-звѣздную ткань! Он трогал маслянистые волокна мѣртваго сердца. Видел мутные мглистые томно приоткрытые мѣртвае глаза. И у меня глаза, когда я находилась в любовной истоме, лунные, марсианские, я знала вкус инопланетных наливных, розоватых, круглых плодов. Я мучительно и сладко-долго вкушала их. Я не могу отказаться от марсианских розочек, от коричневых, кратерных виноградин! Мне нужны они! Я, как наркоман, находящийся в поиске дозы, мои вены жаждут солнечных вливаний!

Я долго вертела в руках перстень. Вдруг в лучах солнца округлая поверхность засияла, и я чѣтко увидела цифру тринадцать. Я не могла ошибиться... моя рука, в которой я держала перстень, дрогнула, пальцы затрепетали... Надпись ис-

чезла! Сначала пропала цифра один, затем тройка свернулась в клубочек. И снова моему взору предстала круглая, гладкая поверхность. Пластмассовая безделица снова обезличилась. Я выдохнула воздух, распиравший мою грудь. Да что такое, в самом деле! Может, я впрямь не нормальная, как сказал Ветру Хоттабыч! Чокнутая!

Никаких знаков нет! Зелёный Куб – химера! Перстень – просто дешёвка! Карты врут! Кругом обман! Лишь мои рога, вытянутые до невероятных размеров правдивы, как никогда. Я сняла с пальца кольцо, которое подарил мне Гордей. Затем нажала кнопку открывания дверей и швырнула подарок Гордея в кусты. Затем я завела машину, но не тронулась с места. Надо было успокоиться... Наверно, это была просто истерика. Сдали нервы. У кого не бывает? Я перегрелась на солнышке, работая на дачном участке. Я наврала Гордею, что уезжаю. Я ответила обманом на обман. Всѣ, мы квиты!

– Девушка, – вдруг услышала я незнакомый женский голос, – девушка, вы выронили кольцо!

– С чего вы взяли? – Спросила я, открывая окно машины. – Отойдите, мне надо ехать, а то задавлю! – Мой взор в сторону незнакомки был колючим.

– Я видела, как оно выкатилось... кроме вас, тут больше никого нет! Да и кольцо женское! Тоненькие грани, алмазная крошка. Цветочек. Или цифра тринадцать! Наверно, какая-то дата, лишь знакомая вам! – Пояснила девушка. – Кольцо точно – ваше!

– Да, моё! – Кивнула я. Отпираться не было смысла. – Спасибо!

– Я в ювелирном отделе работаю. – Улыбнулась незнакомка. – Сразу вижу, чья вещь! Золото вам очень подходит! Вы такая! Такая восхитительная!

– Вы тоже... – Я приоткрыл окно побольше, принимая кольцо. – А с чего вы взяли, что там цифра тринадцать?

– Нам в точности такие в отдел завозили. Вот смотрите, – девушка тонким пальчиком указала на веточку, – это число один. А рядом завитушка – три. И вот тут пониже ещё розочка...

– А что означает то, что пониже? – Заинтересовалась я. Мне даже в голову не приходило, что моё кольцо тоже имеет символы, которые я так тщательно разыскиваю.

– Забыла, – щёки незнакомки запунцовели, – надо посмотреть в интернете. Понимаете, я недавно продавцом работаю. Всего полгода...

– Но, тем не менее, – продолжая ёрзать на переднем сидении, настаивала я, – вы же догадались, что кольцо женское, что его обронила я. И цифру правильно угадали. Отчего же не можете прочесть следующий символ?

– Ой, если честно, я видела, что вы выбросили это колечко, видела, как оно укатилось в кусты, – незнакомка сделала шаг назад. – И спешу я, обед заканчивается!

– А как мне отблагодарить вас? – Крикнула я ей вслед.

– Приходите к нам в ювелирный отдел. Купите что-нибудь! Девушка стремительно скрылась за поворотом.

Я повернула ключ в замке зажигания. Рено послушно завёлся. Перед тем, как тронуться с места, я надела кольцо на палец. Вот и всё, разгадка рядом. Скоро, скоро я узнаю, что мне грядёт! «Поеду в Берозвонь. Там у меня ноутбук. Можно поглядеть в интернете, что означает третий символ!» – решила я. Да и хватит мне скрываться от людей. Хватит находиться в эпицентре обмана. Берозвонь – единственная, не предавшая меня, не обманувшая. Ибо она и есть то главное лукавство, которое есть на земле! А, может, не изменил мне Гордей? Может, просто глубокая обида заставила его сказать мне эту горькую ложь? А?

5.

Двенадцатое июня закончилось быстро. Хотя я его ждала целую вечность. Розочка означает август. Оттого что в нашей полосе именно в середине этого месяца принято срезать жирные, напичканные шипами, кусты роз. В сентябре розы укрывают лапником, боясь заморозков.

Тринадцатый – номер флигеля, где проживает Гордей. Тринадцатого августа мы должны помириться! Всенепременно!

Мы просто обязаны сплести наши змеиные тела! Мы должны найти противоядие, очистить землю! Я как-то нечаянно нажала на пластмассовый корпус перстня и он, хрустнув, проломился. Изнутри выскочила жемчужинка, покатила по полу. Но мне уже было не интересно копаться в символах. Я – реалист! Укатилась, так укатилась. Что упало, то пропало. Сама не удержала. Точнее сама оттолкнула. Любовь одинокого мужчины хрупка и ненадёжна. Хотя я думала, что Гордей полностью мой, что он почти ручной, как бурундучок, что его печень – тягуче лунного цвета, а сердце скользко волокнистое, и что оно – у меня в руках!

Я стремительно вскочила на ноги. Мои движения были резки. Я так наработалась за это лето, что медлить было просто нельзя. Иначе остановится поток, рвущийся наружу. Иначе не станет нас с Гордеем. Хватит! Мне предстояло совершить долгое путешествие внутрь самой себя. Перелопатить всю свою жизнь. Взрастить непознанное, высадить ненужное. Мне суждено было отгадать лунные пересечения параллелей, которые никогда не пересекаются по законам геометрии. Мне пришлось отгадать значение света погасшей звезды. Увидеть, как преломляются лучи в околоплодных водах. Я словно вынянчила и вырастила двух детей, которых не родила, но полюбила, как своих. Я спасла ёжика в тумане. Я влюбилась в яблочно-грушевую заводь. И поняла, что обильное плодоношение к войне. А жиденский куцый урожай к миру. Уже близко-близко то, чего я жду. Если очень чего-то хотеть, то оно приближается. Оно само втекает, без усилий, так срастаются живые ткани – сиреневые, мягкие, гиблые...

Это тоже – Берозвонь! Самый её край. Ибо парит она себе и парит над землёй. И так идут столетия за столетием. И ничего не меняется. Оттого что лишь постоянство правдиво. А Берозвонь лживая, тягучая, медленная. Она пропадущая и никчёмная, на неё уходят все средства, вся жиденская пенсия старух. Тощая коза пасётся, привязанная на коричневом кривом колышке. И не доится она почти, а на мясо пустить её жалко.

А ещё, если честно, снова у нас завелись бурундуки. Ушки у них круглые, спинки полосатые, а брюшко рыжее. Если долго сидеть в доме, не двигаясь, почти не дыша, сложив руки в кулачки, то можно услышать их слабое пошаркивание.

Антипушка! Лишь о тебе печаль моя! Более ни о ком и ни о чём! Лишь о тебе так болит-недожит и волнуется сердце моё! Кофейный мой! Сервизный! Чаепитный! Раритетный! Один ты такой на белом, плакучем, ивняковом свете! Роденький! Царский! А как иначе?

Ибо был, точно доказано, столетье, а то и два, тому назад со всей своей свитой, с пушками и колоколами, с ружьями и кольями молодой, жаждущий бабьего пышного тела царевич в нашей Берозвони. Ох, и покуражились они тут! Ох, и погуляли! Легенда-притча гласит о количестве вин и яств, выпитых-съеденных за огромным, с полверсты, столом. Вот с этих пор у нас празднично! Угломониться не можем! И не станем! Песни сочиняем, сказы. А того хуже – стихи! Потешные! Смехотворные! О-го-го какие! Надрываемся от смеха. А сочиняем. И снова надрываемся. Вы не верьте нам! Ибо мы так обманны и так ловко это скрываем, что сами верим во всё происходящее. Глубоко, до сердечных ран, до лунно-жёлтых печёнок, до суставчиков и подсуставчиков. Ибо мы уже давно легли в основу основ. В крепь и мощь самой матушки земли. Мы все рядом, по соседству. Я обнимаю Гордея. А он меня. Мы не можем расстаться. Мы втянуты, как в водоворонку друг в друга. Оттого что на дне этого омота, если нырнуть, неизвестная планета – сиреневая по краям, красная внутри и сливово синяя снаружи.

Гляди! Рви душу гляючи! Ибо в этом, бьющем в глаза, свете наша жизнь!

Я долго размышляла о том, что мои друзья могли бы как-то помочь соединиться нам с Гордеем. Это же так просто! Например, Антипушка, мог бы позвать меня во флигель к Бурову. Так, не зачем, под любым предлогом! Чаю попить! Я же люблю, когда маленькие дольки сушёных райских плодов плавают в чашке! Это же так легко постучаться в дверь, которая давно открыта!

Или, например, Пospelов. Ему же не трудно позвонить Гордею и пригласить его в «БИНАС» на заседание правления. И меня тоже позвать, словно невзначай! Он же звал меня, когда сам хотел! И чтобы время было одно и тоже. И число совпадало! И день недели! И год! И столетие! И чаю бы тоже налил и яблоч сушёных предложил бы...

А Нелли! Ей ещё проще! Она могла вызвать Гордея, пожаловаться на болезнь. И я бы тут приехала. Мол, дайте чаю отпить, сто лет не пивала!

И ещё проще Буров бы сам мог приехать в именице покойной матушки, узнать, не засиделась ли я в девках, не пора ли мне под венец?

О, как прекрасен, как сладостен поцелуй после разлуки! Как нектарно прощание! Как дрожат пальцы, когда распаиваешь кофточку. Как вдыхаешь воздух: «Ох!» и выдыхаешь: «Любимый!» А в горле клёкот птичий, воробьиное чириканье, синичье пенье. Ибо лишь с тобой, роденький мой, я могу быть певчей! Иначе – замолчу. Заглохну, высохну, как ручеек лесной. Да и место у нас – одни пеньки, опятами мёрзлыми, кожуристыми обсаженные. На жарёху чуть хватит, а уж на похлёбку – едва ли! И тропинки такие мухоморные, жухлыми листьями осыпанные, не видно есть ли под ними земля? Может, Берозвонь уже давно улетела и сама по себе шляется в небесных просторах. Она же у нас такая – хитрющая! Ловка на выдумку, сноровиста на былинку или побасенку!

Антипушка! Но эхо возвращает мне лишь: «Типушку! Ушку! Ку! У!» Видно, кукушки на юг собираются. Скоро середина августа. Тринадцатое.

И дождь зарядил. Что надеть? Наверно сарафан цветастый в горошек, с глубоким вырезом, с кружавчиками, а на руках браслеты застегну – звенящие, тугие, чулочки напялю шёлковые с резиночками и бантиками на ляжках. Держись, Буров! За все дни нашей разлуки налюблюсь! До туговой сладости! Ивняковой нежности! Бездонной омутной неги!

Ох!

И вдаль, косяком по синему, щемящему бескрайнему небу в путь соберутся птицы мои! И Антипушка с ними. Ему тоже пора. Он такой нежный, болезный, чахленький! Что подарить тебе, дружище, на прощанье? Хочешь перстень чудодейственный? Хочешь баночку вареньица яблочного, сладенького? Хочешь крынку молока – коза наконец-то раздоилась к концу летичка! А-то кисет вышью, табачок будешь класть! Оно тебе всё пригодится. В дальних, тягучих, иноземных мирах нет такого, как у нас! Обманного, бирюзово хитрого, лимонно лживого и такого яблочного, что зубы ломит! И сердце так заходится, так в рёбра колотит, словно оно рвётся в различные бежевые миры.

Ох!

И никто, слышишь, никто не простит тебя так, как я! Хоть и виновен ты, Антипушка, страшно! Но как царского отпрыска не простить, не пожалеть! Сомик ты наш, устрица! И любишь всех одинаково! Не напрасно ты говаривал, что если Буров – пчёл, то Пospelов – ос! И я так смеялась. Мне бы только хи-хи да ха-ха! А жемчужинку я нашла. Хрясть её каблуком-то и смяла. А оттуда – дымок! Малестюнный! Розовый! Зефирный! Размером с хворостинку, которой бабушка Галя козу лупцевала. Это и есть – противоядие всем ядам, что насытили планету нашу.

Ох!

Вернись, Берозвонь! Хватит уже витать в мирах юпитеровых. Вот у нас-то лучше! Зачем тебе пылушка звёздная, капелька лунная? У нас – дождевая и то крупнее, ядрёнее, жирнее, маслянистее! У нас Антипушка есть, ты уже давай не медли, приземляйся. Там лужи тёплые, что можно, как в детстве босиком бегать. Там можно землянику последнюю, лесную есть! И яблочки собирать! Спас скоро!

Тот самый яблочный!

Разговеньице! Ой, ой, матушки, али я виновна, что так вышло-о! И на кладбище к Марье сходить надо, веночки поправить, траву подёргать, цветочки собирать.

– Антипушка, ты с нами?

– А как же!

– Выздоровел что ли? Я ж глаз не смыкала, как переживала! Еду как-то на машине, и вдруг как взреву! Тушь по щекам течёт, веки щиплет. Так вот и остановилась на обочине, аварийку включила и в голос ору:

«Живи ужо, Антипушка! Роза сахарная, соловейчик румянький, песенный, дружище амфибиево!»

И стало так! И случилось. Ибо мысль материальна. Она воплощается, она и есть Берозвонь! Античная, Софоклова, Египетская, Пирамидная! Солнце моё берёзовое!

Всевечная! Всеохватная! Обволакивающая! Одеальце моё пуховое! Периночка! Рубашечка крестильная! Руками бы обнять и качать, качать как дитятко!

Волчок ты мой страшенький! Притченька! Родильная! Крестильная!

Ох!

Отчего я такая нынче румяная да нарядная? Прямо наяда! Платьице на мне шёлковое, с поясочком, бретелечки розовые, кулончик изумрудный. А колечко – всё то же, Гордеем дарёное, красуется на пальчике правой руки.

Как я вам всем благодарна – продавщице из ювелирного отдела за то, что вернула мне мою потерю, Федоту – за безотказность его, бабушкам за простодушие, Нелли за суровость её, Хоттабычу и Ветру за предсказание, такое обманное, такое увёртливое, что не понять, верить ли, не верить? Антипушке тоже за всё спасибо! Особенно – за предательство!

За добро благодарить – выгоды нет, а вот за боль, за горечь, за страдание самый, что ни на есть, высший пилотаж. Словно паришь, как Берозвонь поутру, над миром всем, словно воздухом разреженным дышишь, плоды райские собираешь, надкусываешь самое сочное, жёлто-розовое, сливовое, прохладное от первой росы яблочко и вдыхаешь полной грудью отравную, плакучую обиду свою.

А внизу, в малом свете – в переливчатом таком, в радужном, словно подкидыши – разбегаются в разные стороны бурндуки. Это не просто земные твари, это эксперименталь-

ные существа. Они нужны нам. Для опытов. Для сохранности знаний и преумножения их.

В лапках бурундуков барабанные палочки, на шее галстучки...

Идут они стройным шагом вдоль Берозвони, вдоль её ивняков, плакучих медуниц, белых куполов, кремлёвых заборчиков. Они направляются в дом, где жила Марья Кнопкина. Туда, туда, куда зовёт их брэнная, тусклая мелодия, ибо родились они для того, чтобы исчезнуть и возродиться вновь. И нет такого существа, чтобы благостно погибнуть в честь него, кроме одного – Гордея Ильича!

– Горько! – слышу я крики за свадебным столом.

Второй поцелуй уже более осмыслен, но также сладостен, как и первый. Розанчик мой! Грибочек малосольненький! Огурчик лаковый! Люблю тебя так, что почти не слышу, как удаляется в вечность барабанная дробь! Как исчезают звуки волшебные, флейтовые! Как их становится всё меньше, меньше.

– Горько! – Это кричит Пospelов. И его жена хлопает в ладоши. Я раньше не замечала того, какая она хорошенькая. Мы могли бы стать подругами, если бы она не так чопорно ответила мне на мой вопрос:

«Катенька, а вы где работаете?», ведь мы до этого так мило болтали, обсуждая новости. Да и ростом мы одинаковые и комплекцией. Только волосы у меня длинные, а у Катеньки Пospelовой стрижка.

– Как ты думаешь, Катенька, любил ли меня твой муж, когда я хотела его? Страстно, не стесняясь, отдавалась ему! Я даже Гордея игнорировала тогда, на свидание не ходила. А он – ждал! Он всех бурундуков выманил из своих убежищ и отправил в мир иной под звук барабанной дроби.

– Голуба, не сходи с ума! Мой муж любит одного человека – себя! – Катенька мило улыбнулась. И я увидела, что у неё мелкие бурундуковые зубки.

«Неужели она тоже – часть эксперимента Бурова?» – мелькнуло у меня в голове.

А когда я повернулась к зеркалу, то обнаружила, что манто у меня сшито из шкурки бурундуков. Коричневые меховые завязочки на шее, три полоски на спине – красиво!

– Горько! – не унимались соседка Галя и соседка Люся. Они с утра напились браги, которую долго и упорно настаивали всё лето, и теперь изюмная жидкость ударила им в голову. Коза Манька вылизала выброшенные ими в кусты смородиновые ягоды и тоже была во хмелю.

– Эх, славно-то как, Гордеюшка!

– Где ты была, почивала, жена моя, Голуба? Куда ездила. Чего видела? Много ли товару привезла? Шубку соболью, рукавички ондатровые?

– Что ты, голубчик!

Я не успела договорить, дробь барабанная настигла меня в самый апогей моих оправданий, мол, никуда не ездила, в саду, на даче отсиживалась, отлёживалась...

– Горько. Горько! – Пританцовывая, выкрикнул Антипушка.

Уж тебе-то куда? Тебя и так еле откачали после болезни! И не о себе я так плакала, как о тебе! Перестань красить волосы, как девка продажная! У тебя же седые, бурундуковые локоны, серенькие височки, а макушка цвета беж! Экзотика. Модернизм. Антипушка, ты вообще панк! Тебя на баррикады надо отправлять, чтобы люди хохотать начали, а не воевать. Ишь, надумали друг в друга стрелять! Не поцарски это!

Сядь-ка на трон! Примерь корону. Не тебя ли так приветствует бурундуковое царство. Ах, что это я, написала с маленькой буквы. Правильно – Бурундуковое! Берозвонное, гиблое, но такое родное царство наше! И это тебя, предатель хренов, Антипушка, чествует войско твоё.

– Сколько можно, – вдруг отвечает мне Антипушка, – целуй скорее возлюбленного твоего! Хватит уже речи сказывать! Подставь губы алые, земляничные, да наслаждайся, плыви по течению.

– Позвонить что ли Гордею? – Усмехнулась я, шутя. – Да согласиться на всё, что он просит!

– Да! – Выдохнули пьяные старушки. – Дай ему! Дай! Чтоб забеременеть!

И такой хохот начался вокруг. Такое веселье. Вся Берозвонь каблуками изрыта, распахана. Только в одном месте заровняешь, в другом сразу же овраги прорываются.

А тут как раз распогодилось. Вот и взлетела в алое небо Берозвонь наша, сначала круг малый сделала, затем побольше, крылом задела ставень, дверьми хлопнула, берёзку сломала, лягушку растоптала.

– Антипушка, царёв наместничек, куда ты глядишь? Держи её, шалаву! Да покрепче! Да не щади, узел вяжи на шее-то!

– А кудыть её привязать-то?

– Куда коз вяжут, туда и её, что ли?

– К Башне! К куполу! Да канат-то зятяни! Не пужайся! Али не царский ты, не крендельковый?

– Фу! Тяжело как! Руки болят, спину ломит. Ноженьки дрожат!

Но всё равно – по нашему стало! Хужей, стрёмней, мрачней! Но как надо, как положено, на роду написано, наузорено!

Мы же – хозяйева. Мы – коренные, мы под ноги, в чернозём вместе с мечтою, со светлым будущим, с огоньками, с потешками!

И вина у нас светлые, крепкие, кряхтишь, но пьёшь! За неё, за Берозвонь!

Чтобы колышек не вырвала, верёвку не разгрызла, канатик не выкрутила да не сбежала бы! И сердце на замок! Неча тут рыдания устраивать. Все гуляют, веселятся, хохочут, концерт глядят, песни гусельные, перегудочные, баяновы слушают, свадьба же!

Всегда теперь свадьба.

Милая, бесконечно родная, куценькая земляца моя! Ты одна мне даёшь столько вдохновения, столько яблонево-сочной, зарево-радости, сколько мне не может дать ни одно погожее, ухоженное место на целом шаре. Ты одна колотишь-

ся в сердце сиреневыми, воздушными, детскими шариками, Ты одна питаешь меня и успокаиваешь! Тебя целую я! Тебя пестую! О тебе молюсь денно и ночью! Ни у кого нет такого чахлого болотца, дубовой рощицы, словно вещей, гамаюн-ной, безутешной тоски!

Сладко мне, как от поцелуев любимого, коль вижу я тебя! О, птица моя! О, бурундучок мой раненый! О Антипушка, о соседки-бабушки, о Федот, о Коржиков, о Нелли – о подруженька земли моей! О, сочные ветви в сердце моём! Плоды наливные! Сады разливанные!

Гуляем! Гуляли! И будем гулять!

На то и свадьба!

АЛЕКСАНДР ЛОМТЕВ

(город Саров, Нижегородская область)

Пепел памяти

Нанопоэма

1.

Неспешно вороша золу и угольки воспоминаний, в одиночестве, рдеющем грустью, греюсь над старым своим путевым дневником.

2.

Качается море в бухте, а бухта солью пропахла, а в бухте белеет яхта и дремлет моряк на вахте. А солнышко плавит волны, а ветер пророчит волю, и дремлют свирепые войны, и воины пашут поле. Веснушки твои золотые, кудряшки волос витые, и дни невесомо-простые еще никому не постыли. Еще не сломали счастье, еще далеко до ненастья, землю не рвут на части, непрошенные напасти...

Монетка на дне сверкает – счастье вернуть обещает, на вахте моряк зевает, он старый, он точно знает: дороги назад не бывает...

***

Дети спят.
Плачет дождь за окном интерната.
Это Бог осознал до конца:

Беспредельность своей ледяной высоты
И бесплодность попыток создать Человека...

3.

***

Поздняя ночь. Фонари. Улица в тысяча девятьсот семьдесят энном году. Кошка черная, такая умница, сидит, ждет, пока я пройду. А мир сегодня доступен и гулок – сначала прямо, потом свернуть, и через замерший переулочек выйдешь прямо на Млечный путь! Не хожен – не езжен путь серебристый, этаким заповедником дальних дорог. Что ж не пошел я дорогой неблизкой, а взял да свернул на знакомый порог?

Ночь на исходе. Дремлет улица. Дорожка от двери тепла и светла. Кошка черная презрительно жмурится, смотрит мне в спину – все поняла!

***

Раскрытая книга, сухой стебелек, царапиной ветхой листа поперек, кем-то забытый, лежит, бежит вдоль строчки желтоватой полоской – плоский, сдавленный сотнями слов поэта Вознесенского... Вознесёмся-ка в памяти высь, что там было?..

Был луг. Плыл июнь среди света и рос. Рос стебелек, лучи и воды небесные впитывал. Как хорошо под небом, хлебом пахнет с края поля... Воля, ветер, словно молодой и глупый сеттер, свитер рядом мягко упал и тень, и книжка про дикарей, или это был Хемингуэй?

И двое и их глаза... О чем они – забытые голоса? Дождя полоса смысла двоих из другого мира. Смирно стоял ты, цветок-стебелек, и тебе невдомек – зачем тебя надломил и – в книгу, в листочки... Точка.

Может быть, тебе не хотелось с луга, и была у тебя подруга, и от беззвучного крика округа вздрогнула, и капля упала с

солнечного круга росой, босой кто-то брел, уходил по траве, и был закат, а вечер был быстр и покат...

И сотни слов поэта тебе не влага. Жажда. И не проявишь ни любви, ни отваги, каждый может тебя в порошок.

И тебе не понять, стебелек, шероховатости строк, и рифм не понять. Тебе невдомек – было ли солнце, и был ли луг или сон на исходе луны напугал тебя зря...

Заря за окном и за окном снег...

Где он? Сорвавший тебя человек!

***

В бараке шум, в бараке гам, сосед горланит пьяный, блестя бутылки по углам, а на столах стаканы. Сегодня праздник, говорят, какого-то святого; какой религиозный мат! Не слышал я такого... А на душе моей туман, день краток, жизнь не вечна, и за окном сипит зима: «Жизнь так бесчеловечна!» А я пишу стихи под гам про светлый лес июньский, сквозняк и холодно ногам, и свет от лампы тусклый. А в коридоре дым столбом и чей-то бас раскатный, и кто-то бьется в стенку лбом – небритый и лохматый.

Барак мне так осточертел – всё бестолочь и скука! И знать тогда я не хотел, что это все – наука! Наука жить в любом аду, и с ангелом, и с гнидой, наука, что не пропаду, приняв свою планиду. Что там, за стенкою, народ, который есть – Россия, а пьяный-драный мой сосед по-своему – мессия. Он возвещает, что придет расплата за веселье, и что Россию завтра ждет Вселенское Похмелье...

***

Какое гордое ты имя выбирал для будущего судна своего – судьбы своей фрегата...

«Паллада», «Бигль», «Арго», «Надежда», «Фрам», «Эдвенчер»...

И вот оно причалило – под госпитальной койкой.

Давай же фантазируй, идиот!

***

Тихо время в палату втекает неслышно-неспешно сладкой елью, сосной и горчинкой полыни.

Пропитавшись судьбой, утекает, печально решив: для кого земляника цветет, наливается радостным соком, а кому ни грибов не дожидаться, ни астр дождевых...

***

На жизнь обижен ты, несчастное создание?

А жизнь вот на тебя не дуется ничуть.

***

Жизнь так сложна! А мысли всё простые, всё одно:

Купить авто, поехать летом к морю, любить и пить вино...

4.

***

Коктебельский ветер сонный, Киммерийский берег томный, сизый склон – венерин волос, с пляжа светлый женский голос, мы любовь свою не прячем, на плече твоём горячем капля моря. В капле – небыль, в капле – солнце, в капле – небо. Мы друг друга так желали, что друг друга не жалели, очи крепче запирали и – летели...

Словно в раковине легкой – шум прибоя, сердце бьется, как придется – с перебоем, и под этот коктебельский рокот нежный мы с тобой не вспоминали жизни прежней, только вот она о нас не позабыла. Я любил. И ты любила. Было... Было...

Где ты? Как ты? Тает в дымке берег древний, замелькали по обочинам деревни...

Киммерийский ветер пряный, Коктебельский берег пьяный, как дышалось сладко-вольно,

Мне уже почти не больно... Сонный вечер за окошком – снег и вьюга, где-то лето, дни и ночи сбились с круга, лишь звучит из запределья женский голос, да над вазой сизый дым – венерин волос...

***

Отболело, отгорчило, затянулось коркой льда, все, что было, все постыло, между нами вдруг застыло это слово ледяное «никогда». Словно пропасть это слово – так наивно и так ново, словно трещина в судьбе.

Все по-прежнему на свете – тот же свет и тот же ветер, те же блики на стене и на воде. Можно дальше жить с разбега, сгоряча, веселиться водку пить и слезы лить, палачом мечём судьбу свою – сплеча. Между мною и тобою коркой льда это слово неживое «никогда», как банально и как просто, но так больно и так остро – не спасают ни года, ни города, ни удачи, ни паденья, ни вино. Что там будет? Что ни будет – все равно. Все равно я как в тумане, как в бреде, по неверному, по тонкому по льду, не гадая, пропаду – не пропаду, все на голос твой из прошлого бреде...

***

А вторая любовь – не любовь? Ведь не первая, вроде, так же? Вопросительно вздернута бровь, да и битое сердце на страже.

Что вторая любовь? Эхо первой? Или глупость, проникшая в кровь, маета меланхолии нервной от надежды проснувшейся вновь?

А вторая любовь – первой хуже? Что-то ноет в груди – на беду. Затяну свои чувства потуже и по бабам скитаться пойду...

***

Мы с тобой случайно повстречались на чужом пиру в дыму веселья. В клубах дыма парочки качались, позабыв о завтрашнем похмелье... В сизых клубах, в нежных столах скрипки, что кружила парочки по кругу, проплывая мимо, без улыбки, холодно кивнули мы друг другу. Мы с тобой случайно повстречались, мы чужие, мы из разных серий, мы ведь не женились, не венчались, разошлись, друг другу не поверив.

Не поверив случаю, знаменью, не поверив сердцу почему-то, но поверив ночи и затмению,

Разбежались ранним зимним утром...

И твое лицо холодной маской через сигаретный дым светилося зыбко, и звало к себе, и как-то властно в сердце гулко стукнулось – «Ошибка!»

***

Куба мирно дремала, душной шалью ночи укрыв берега, когда буря подкралась и бросилась в драку на Плайя Хирон. Ветер с воем и свистом терзал облака, волны с ревом на скалы бросались, шипели и пеной плевались; рвались ветру вослед кроны пальм, и трава как поземка змеилась, прижатая бурей к земле. Бил по ставням рыбацкой хибарки песок, жестко сорванный с дюн. Лодки вжались в песок, черепахами прячась от злобного зверя.

Все кружилось, гремело, сверкало в озоновом вихре циклона; шторм циклопом свирепым крушил и топтал беззащитный прибрежный покой... Мы обнялись, и молча смотрели на пламя свечи, что металось ночным мотыльком, отражаясь в стекле. Мы друг в друге спасались от грома неведомой силы, что трясла и залив, и хибарку, и остров, и Землю...

...А потом все сорвалось в обвал тишины! Из неё нас, потерянно тонущих в глухоте, утром вызволил голос сверчка.

5.

***

Бриллианты росы на осенней дрожат паутине. Дунет ветер – их нет! На какой паутине дрожит под ветрами судьбы среди звёзд и планет моя жизнь?

***

Скоро яблочный Спас. Тает август в туманах. Лето сладкое тает; предчувствием инея пахнут рассветы. Снова гуси потянутся в жаркие страны, оставляя здесь нас. Песни летние все безнадежно отпеты. Золотые шары в палисадниках осени ждут. Жгут костры кое-где, и дымы навевают печаль. Скоро яблочный Спас. Уплывает тепло понемногу в ту даль, где зимы не бывает. Запах яблок в сенях скоро сменится духом грибным. Безвозвратно года утекают, как это желанное лето. Поэта все меньше во мне и все больше бродяги. Все печальней любовь, созревает на древе познания плод. И уже протянулась рука, чтобы мудрость сорвать и лишиться наивной надежды. Будут дни убывать и в прямом, и в космическом смысле. Будет ветер с листвой воевать. И дожди будут плакать о стеклах... Но постой, подожди горевать, впереди еще яблочный Спас...

***

Время не движется – не идёт, не течет, не летит... Не несет, словно ветер опавшие листья, прожитые дни. Время просто сгорает. Навечно. То ярко и быстро, то жарко, то тлея чуть видно, не грея ни душу, ни сердце; не радуя глаз... Просто сгорает, забывая про нас. Так что ж остается в итоге?

Память – щепотка остывшего пепла...

АЛЕКСАНДР МОРДАНЬ

(город Одесса, Украина)

Отдельная история

*Некоторые так громко думают,
не захочешь, а услышишь*

Интересно, какой у нее был голос?

Нежный, мягкий, вкрадчивый. Или наоборот, с хрипотцой и грудным прерывистым смехом... Все может быть. Единственное, что невозможно представить – чтоб она ругалась, скандалила или орала на мужа, непослушных детей, соседей, прислугу.

Мона Лиза. Джоконда. Мечта.

Давно искал ее. Думал даже, придется заказывать. Но сегодня нашел – такой пазл, конечно, большая редкость, и стоит не мало, а вот не поленился заглянуть в один магазинчик – сразу после бассейна, не заезжая домой – и, пожалуйста, купил. Какая тяжелая коробка. Располагайтесь, мадам. Это, конечно, не Италия, где Вы родились. И не Париж, где прописаны. Но тоже не последняя, в плане культуры, часть суши.

Кстати, о воде – надо поскорее плавки и полотенце развесить, а то опять закручусь, забуду, и послезавтра в бассейн идти будет не с чем. Переодеваюсь, мокрые вещи отправляю на веревку, натянутую поперек кухни, мою руки и надеваю передник.

Всегда удивляюсь: если лучшими поварами считаются мужчины, почему кухонные фартуки у нас продаются исключительно женские? Кокетливо коротенькие, с тоненькими за-

вязочками. Даже не женские – девичьи. Нашим-то! Как стимул худеть, видимо. Сейчас сварю борщ и займусь пазлом. Тут главное заранее замочить фасоль. Насмерть. Теперь пусть варится в той же кастрюле. Ой, а томат! Томата хватит? Достая из холодильника банку, отмеряю мерным стаканчиком. Нормально. Можно приступать к очищению моркови. Самое нудное в борще, как ни шути, чистить овощи. А ведь мог не мучиться. Напрашивалась помощница. В бухгалтерии работает. Такая... ничего... Экономка. В последнее время намеки делает, видно узнала, что развелся. Вчера в супермаркете столкнулись у кассы, в мою корзину заглянула, спрашивает:

– Борщ варить будете?

Дедуктивный метод! Свеклу увидела.

– Нет, – говорю, – винегрет.

А она:

– С огурцами или селедкой? Может, помочь? Я готовить люблю.

Говорю:

– Спасибо, сам управлюсь.

«Один буряк сказал капусте: А мы тебя в наш борщ не пустим!». Сегодня смешного деда в бассейне встретил. Всю жизнь прожил у моря, а теперь уроки плавания берет. Да, не брошенный в воду плавать не научится. И борщ варить тоже. Пока жизнь не заставит.

Знакомая мелодия, “Love story”, мобильник. Кому я уже понадобился? Надо было его сразу из сумки достать, теперь пока руки вытрешь, пока найдешь. Алло! Нет, это не Игорь, ошиблись, бывает. Опять! Наверное, со связью что-то. Стоп, а если снова он? Игорь, подчиненный мой, пчеловод любитель. У нас мобилки и сигналы одинаковые, опять он трубки перепутал и мою прихватил, теперь у меня его. А я ещё удивляюсь: никто меня не беспокоит. Красота. Значит, чтобы поговорить с Игорем, надо набирать мой номер. Только он сейчас на даче, с пчелами общается, за майским медом охотится, а где вы видели пчеловода в маске, говорящего по мобильному?

Артист! Который раз такой номер откалывает. И что мне делать? Телефон в карман убирать? Забываю. Поговорю – и кладу на стол. И он кладет. А потом путает. А может я ошибся... Пятница, день тяжелый.

Переходим к свекле, начинаем зачистку.

Вчера мужик из соседнего отдела забежал: кто знает, почему морковь? А свекла? Шеф требует борщ обсчитать. Наш борщ как на Западе гамбургер. Способ измерения инфляции. Подорожал борщ – подорожала жизнь. Спрашивает меня: сам готовишь? Может, пора поискать, на кого передник надеть? Год уже прошел. Я вежливо промолчал. Никто не приготовит, как сам. Мне, например, перец нельзя, кислотность повышенная, я и вино не пью. А она всегда перец бросала – потому что положено. Кем положено? И с луком та же история. Спрашиваю: лук в котлетах есть? Говорит: нет. Я спрашиваю: а это? Я что – слепой? Нет, говорит, ты не слепой. Ты нудный.

Теперь лук. Да... лук заставит и рыбу рыдать... А если чистить в очках для плавания? Вот они, кстати. Что, Мона Лиза, смешно? Вам всегда смешно, а почему – никто не знает.

Лук порезал, можно жарить.

Кстати, эта с работы... экономка. Тоже в бассейн собралась. Хочу, говорит, абонемент купить, плавание подтягивает, а вода там теплая?

В бассейне удобно знакомиться – как и на пляже, потом никаких сюрпризов. Сегодня, кстати, на соседней дорожке такая русалка плавала! Руками махала быстрее, чем хвостом, в лапах не догонишь, если захочешь... Правда, не очень-то и хотелось...

Натираем морковь. Когда в руках терка, отвлекаться опасно, а то борщ перестанет быть постным. Я же не пеликан, чтобы собственным телом питаться. Первый раз готовил — неделю в пластыре ходил, потом сообразил: не надо натирать все без остатка.

Добавляю к луку морковь. А запах!... Да уж, вся квартира пропахнет. Можно, конечно, форточку открыть, но тут или запах, или сквозняк. В этом году весна холодная, поздняя. Сей-

час надену согревающий пояс, и спокойно проветрю. Один раз вот так из дома вышел, теплый пояс – поверх рубашки. Заметил только в машине. Пришел бы в офис. Весь авторитет насмарку. Не курю, весь такой спортивный. Правда, в бассейн хожу из-за спины. Хотя лекарше все равно нравлюсь. Она мне, кстати, бассейн и прописала. На последнем приеме молоточком постукивает – и вдруг: а вы новую комедию про холостяков видели, может, сходим в субботу? Я сначала растерялся, потом вспомнил, что к маме еду с ремонтом помочь. Кино. Мне и без кино весело... «Если у вас нету тети, то вам ее не потерять». Это я про лекаршу. Кстати, сегодня тираж. Надо телевизор посмотреть. И нечего улыбаться, уважаемая Джоконда. Думаете, не выиграю? Жена так улыбалась, когда я карточки заполнял. Теперь натираем свеклу. Ну вот, поранился, нужна срочная дезинфекция! В холодильнике должна быть начатая бутылка водки, можно и рюмочку для аппетита налить. Наливаю, сначала дезинфицирую палец, потом чокаюсь сам с собой и выпиваю аперитив! Говорят, мы пьем, чтобы сделать других интереснее. А когда с зеркалом чокаемся... Самооценку поднимаем? Ну да ладно. Вернемся к свекле. Ее многие режут. А я тру. Все равно терку после моркови мыть. И руки от революционного цвета. Для правильного выбора цвета нужен вкус, а у вкуса – не поверите, у него тоже бывает цвет: любимый и не любимый. И не только у Армани с Версачи. Ну, какой цвет вкуса томатного сока, когда в нем размешана соль? Правильно, красный. Вот и у борща такой же, а фиолетовый – это цвет вкуса свекольника. Свекла. Она же буряк. Овощ-трансвестит. Борщ, как путь в жизни, у каждого свой выходит. Одинаковых не бывает. Уж больно модель многофакторная, каждый продукт можно резать, а можно тереть, можно жарить, а можно тушить, можно с мясом, можно постный...холостой. Кстати, мама звонит через день: Тебе надо жениться, надо найти такую...

«Мужа на час» мне надо найти, видел где-то рекламу, а то опять кран не закрывается. Наверное, что-то с резьбой. Интересно, а есть «Жена на час»? Не по вызову, а пуговицу при-

шить, посуду вымыть. Но на час. Хорошо, когда женщина как лабрадор: позвал – есть, не позвал – нету. Перекладываю жареный лук с морковью со сковороды в кастрюлю, где варится фасоль. Жениться, искать. Кого искать? Сами находятся. Одна ужин предлагает, другая кино. А мне не хочется. Бесплатный секс, как и бесплатный сыр... только в мышеловке. Нет, не хочу. Конфеты-букеты, вроде надежд не давал, но обнадеежил, потом неловко. Она, дрогнувшим голосом скажет: «Мы в ответе за тех, кого приручили», и расплатится. Свинцовое чувство вины. А еще вместе работаем. Лучше Джокондой любоваться. Я знаю, почему ею все восхищаются: она никогда не плачет. «Я с детства не люблю очередей, ночных звонков и слез у женщин, из всех известных мне людей себя я не люблю намного меньше»... С младенчества сочиняю – редко кому показываю. Высыпаю на сковороду тертую свеклу, жарю. Что-то мне не очень... Надо проверить давление, вот и аппарат в ящике стола. Сажусь ровно, надеваю манжету, накачиваю грушей воздух, слежу за показаниями: сто тридцать на девяносто пять. Подскочило и сердце постукивает. Лишнюю дорожку проплыл.

В первый раз к лекарше пришел, спрашивает: какое у вас обычное? Откуда я знаю, в космос никогда не собирался. Теперь в курсе: сто двадцать на восемьдесят. Верхнее – когда сердце сжимается, нижнее – когда разжимается. Гидравлика. Умнеем с возрастом. А что такое возраст? Пропорция между тем, что было, и что будет.

И что будет? Как говорил один персонаж, я старый и больной, меня девушки не любят. Про девушек это правда, я им материально не интересен. А кому за тридцать... Для них я не старый. И не больной. Если мне лечащий врач глазки строит, значит, не все потеряно. Машина есть, бегаю еще, квартира двухкомнатная, отцовская, не пришлось при разводе делить. Почему тогда один на кухне стою? Развелся. Вырвался. Свобода! Могу пиво пить, а могу не пить, могу тетку на ночь пригласить, могу у нее остаться, всё могу! А что-то не вдохновляет. Вырываешься на свободу, а попадаешь в одиночество.

«Вы сотканы из взглядов, как простыня из льна, как ласковый платок из шелка. Улыбка скромная загадочно-грустна, как будто в восхищениях нету толка». Красиво? Сам сочинил. Тебе, Джоконда. А когда на работе отмечали день рождения экономки – прости меня за ветренность – я вместо тоста эти стихи ей прочитал. Решила, что про нее. Специфика женского ума: принимать желаемое за действительное. Хотя... умная женщина – одни проблемы, глупая – другие, середины нет.

Лучшая однозначно ты, Лиза, всегда молчишь и улыбаешься, а умная или не умная... Один ученый выдвинул версию, что ты была того, не совсем нормальная. Измерил. Одна рука больше другой, лицо не симметричное. Диагноз. Хотя, думаю, это он от зависти. У большинства людей что-то с чем-то не совпадает, и вообще, здоровых нет, есть не до конца обследованные.

Ну, кажется, все, буряк на треть ужарился, значит готов, можно отправлять в компанию, то есть в кастрюлю. Займусь капустой. Знакомая мелодия! Опять Игорь кому-то нужен. Может, и мне сейчас звонят?.. Лекарша, например, или экономка. Я тут страдаю в сомнениях, правильно ли живу, а все решается без меня. Итак, борщ будет, это хорошо. А второе? Что у меня в холодильнике? Грустно. Молоко. Хорошо хоть не скисло. Значит, будет манная каша. Высыпаю манную крупу в молоко, варю, помешивая, чтобы не было комочков. Когда я в последний раз манку ел? Кажется, ребенку было лет пять. Тогда все недоеденное было мое. Как-то сказал жене, что после такого завтрака хочу не на работу, а с совочком в песочницу играть. Разозлилась: мне что, десять блюд готовить? тяжело есть то же самое? Как в анекдоте: Чем мужа кормите? Что сами едим, то и ему даем. До сих пор помню, однажды промерз, рюмку выпил, закусил кашей, а она, зараза, сладкая! Срочно перебить воспоминание – вот моя рюмочка, а вот и банка с огурчиками на закуску. Вообще-то мы ссорились редко. Обиделся – замолчал. День, другой, как игра в молчанку. Но кто-то первым обязательно заговорит. Жили неплохо. Среднеустроенная семья. Лев Николаевич

писал, что все счастливые семьи похожи друг на друга. Как дауны. Может, и мы были похожи на других? Но ей проблем не доставало. Стала заниматься чужими, подружьиными. Весь вечер на телефоне, исповеди выслушивает, утешает. Бывает, у нас разговор на повышенных тонах, а подруга позвонит – и у жены голос такой ласковый. Может раздражать отзывчивая жена? Может, потому что все на других уходило, а дома – по остаточному принципу. Я ей так и сказал тогда: знаешь где заканчивается путь заботы о ближнем?... На кресте!

Пора снимать кашу с огня. Интересно, зачем я ее сейчас сварил? Ее ж сразу есть надо, а у меня борщ не готов. А потом, как манку греть?

Посмотрим, что рекомендует поваренная книга. Гурьевская каша. Сливки нет, изюм где-то был, орехов и сахара побольше, все запечь. Значит, будет не первое и второе, а первое и третье, борщ и десерт. И здесь середины нет. Опять покалывает в груди слева, надо измерить давление. Сто сорок пять на девяносто. И пульс восемьдесят. Нет, дистанцию надо сокращать. Тоже мне, амфибия... Чистим картошку. Сначала все разговоры дома – только о подружках, потом с ними стала все свободное время проводить. Как-то поругались из-за этого. Она мне бросила: А у тебя, кроме денег, друзья есть? – А ты разве не друг? – Я? Жена. Это другое. Вот так. А потом: Можно Лида у нас поживет? У этой Лиды, кстати, история экзотическая. Жили они скромно, она мужа подпиливала – смотри, как люди крутятся. Потом и у него бизнес появился. Редкий. Змей разводит. Кобры, гадюки, шипят и несутся, как куры, яйца откладывают, из них змееныши вылупливаются. Не знаю, что совсем маленькие едят, а большие – мышей. Живых. Или замороженных, причем живьем. В комнатах змеи плодятся, в морозилке мыши хранятся. Подросших змеек хозяин продает. Таким же ненормальным. Деньги большие. А жена ушла. Что самое интересное – она змей не боится. Она к ним приревновала. Говорит: он в своих гадин влюбился. Лучше бы пил или даже гулял, это нормальнее, чем переживать, что любимая кобра

захандрила. Вот спрашивается – где логика? Другую женщину она простит, а змею – нет.

Режу картошку и кладу в кастрюлю, где варится борщ. Разошлись они, а пока квартиру разменивали, Лида у нас жила. Попросилась на пару недель, жила три месяца, пока я шипеть не стал, как кобра, потому что – сколько можно? Она, конечно, деликатная, но все равно – чужой человек в доме! Они с моей весь вечер ля-ля, тополя, а я вроде третий, ненужный. А то еще одна придет, сядут вместе на кухне и дымят, как линкор, в три трубы.

Пока варится, займусь орехами. Щипцы для колки есть, а вот и супница, у меня в ней хранятся орехи. Игорь с дачи привез, презент, штраф за похищенный телефон. Что еще с него взять? На мед у меня аллергия, а орехи у него хорошие, и чистятся легко и быстро.

В конце концов, Лида от нас съехала. А осадок остался. Вроде я эгоист. Моя такой вывод сделала. Не сказала ничего, но подумала. Некоторые умеют громко думать...

В общем, тот развод оказался заразным. Надоело мне быть чужим на этом девятишке, да ещё эгоистом... Эгоист, это тот кто себя любит больше, чем меня. Каждый из нас эгоист. Сказано же: «Возлюби ближнего, как себя». А если себя все время ущемлять, что получается? Тут подвинулся, там уступил, в итоге я – не я, а какой-то остаток. Как в загсе говорят? Вы – две половинки одного целого. Не хочу быть дробью! Я, например, хотел альбомы коллекционировать: Прадо, Уффици, Лувр. А ей не интересно, что за увлечение картинку смотреть. Если б умел, нарисовал бы картину: на кровати лежат мужчина и женщина, каждый читает свою книгу, но книги – одинаковые... И назвал бы картину «Гармония». А орехи действительно вкусные, надо же, пока чистил, все съел. Будет гурьевская каша без орехов. Ей всегда водить хотелось, но я за руль не пускал, боялся. За нее боялся! А она считала – машину жалею, и обижалась.

Наверное, есть тысяча причин, почему люди расходятся, и только одна, почему они вместе, но ее никто не знает. Го-

ворят, любовь. Но если она есть, то куда девается, была, и вдруг нету? Почему сначала жить друг без друга не могут, а потом видеть не хотят? Диагноз придумали: «не сошлись характерами». Двадцать лет сходились, как Ленский с Онегиным на дуэли... Вчера анекдот рассказали: мужик читает тв-программу: в пятницу матч по боксу на звание чемпиона мира. Всю неделю готовится – ящик пива в холодильник поставил, пиццу заказал, кресло переставил. Пятница, матч начался. На двадцатой секунде нокаут. Судья посчитал до десяти. Матч окончен. Мужик недоуменно смотрит на пиццу, пиво, на экран. Тут заходит жена и говорит: Ну, теперь-то ты меня понимаешь?.. Нет, с этим у нас было все в порядке. А вот с пониманием напряженка.

Дорезаем капусту. Обиды глупые... Я же ее знаю! Пару раз давал руль за городом, на проселочной дороге – координации никакой, сконцентрироваться не может. А потом удобно вышло, ей квартира, мне машина. Хотя мои четыре колеса деньги кушают быстрее, чем ездят, и стоянка дорогая. В последнее время перед домом под окнами ставлю. Как там она, кстати... Мама дорогая, угнали! Угнали мою старушку!..

Вниз не наверх, сбежал через две ступеньки, чуть соседа не сбил. Выбежал на улицу... Что делать? Вечный вопрос. Иду по инерции, дошёл до угла. Стоит родимая. Так и инфаркт получить можно. От склероза. Забыл, что машину за углом припарковал. Хорошо, что в милицию не позвонил, чужой мобильный дома остался. Дискретная амнезия. Что на завтрак ел – не помню, а какое вино на выпускном вечере из горлышка пил – забыть не могу. Перегнал под окна и назад на кухню. Борщ, как любовь, надолго оставлять нельзя. Померил давление. Нормальное. Удивительное рядом... Наливаю, но не пью, пусть пульс стабилизируется.

Пашка на права сдал, теперь тоже обижается, что машину не даю. Кто же против, катайся, но когда я рядом. Без меня – понятно: компания, девочки, лихачество. Ранняя весна... Мозгов-то в девятнадцать не густо, себя помню. Хотя он у меня любитель мудрости, на философский поступил. Сколь-

ко ему ни объяснял, что кроме учебы в жизни есть еще работа.. Нет, каждый хочет на собственные грабли наступить, а все мамино влияние! Подруга, которая мужа с коброй не поделила, на кафедре философии работает, книги подсовывала: Камю, Сартр, Фромм, быть или не быть, быть или иметь, пить или не пить? Слова умные выучил: экзистенциализм, постмодернизм. Бороду отпустил, волосы до плеч, джинсы рваные. Мудрец сопливый. Кстати, Пашка – то небольшое, что получилось по-моему. Она дочку хотела.

Кладу капусту в борщ. Скоро доварится, наконец-то пазлом займусь.

Лиза, а Лиз, не скучно там, в Лувре, особенно по вечерам? Скажи мне, одиночество – это когда ты никому не нужен, или когда тебе никто не нужен? Я сначала думал, что первое. Но ведь те, кто на самом верху, они-то всем нужны, а при этом самые одинокие. А почему люди расстаются? Устают смотреть друг другу в глаза? Кто из нас первый устал? Я? А может она, а я не заметил. После гляделок стали «в молчанку» играть. Оба понимали, что пора разойтись, а кто первый скажет... Во Франции есть агентства расставаний: сотрудник сообщает твоей половине, что финита ля комедия. За деньги, конечно. Интересно, как это выглядит? Будьте любезны, передайте жене, что я хочу развестись. – Ваша жена сказала, что вторую такую дуру вы не найдете. – Такую? Точно не найду. Включаю конфорку под сковородкой. Кладу томат. Скоро розыгрыш. Между прочим, я два раза выигрывал: один раз мелочь, а второй – еще при коммунистах – сто рублей. Чемодан купил, мечтал в Европу съездить. С ним и ушел. Посмотрим-посмотрим, где тут моя лотерейная карточка? Вот она. Даты-числа. Дембель, свадьба, сын родился, кандидатскую защитил, начальником отдела стал. Развод. Итого – шесть. Из сорока девяти.

Теперь можно и рюмочку. За удачу! Кто-то сказал, что жизнь состоит из любви и ошибок. А по-моему, она состоит из любви и одиночества. А может, из одного одиночества? Ведь мы все у себя одни. Конечно, мне нужен кто-то, чтобы

рассказать о себе. Не послушать кого-то, а рассказать о себе! Но разве этим «кто-то» не могу быть я?

Может, и любви нет, как снежного человека. Каждый ее описывает по-своему. Я думаю, любовь это трансформированное одиночество, когда одному уже никак, и в дружном коллективе никак. Но если у явления много определений, то вряд ли оно существует. Был бы эталон любви... Под стеклянным колпаком, рядом с метром и килограммом.

Философ! Чуть на сковороде все не сгорело. Перекладываю содержимое сковороды в кастрюлю, там уже все перемешалось. «Смешались в кучу кони, люди» – это плохо, это война. Лучше, когда люди не смешиваются, а переплетаются. Я бы и сейчас вышел на демонстрацию под лозунгом: «Люби, а не вой!» От этих недолюбленных и недолюбивших все войны, все беды.

Пробую борщ. Настoitся – вкуснее будет. Если раньше не съем.

Мы поначалу часто вдвоем готовили, в четыре руки. Конечно, она была шеф, а я, так сказать, поваренок. Свеклу почистить, картошку, чтобы она маникюр не портила, вместе над луком плакали, потом смеялись. Разве такое может повториться... без нее? А может, я до сих пор – с ней? Готовлю, спорю, говорю, по утрам стараюсь не шуметь. Говорят: не сошлись характерами. На самом деле биоритмами. Птицы в одной клетке не ужились, я жаворонок, она сова. Мне спать хотелось, ей – телек смотреть. Утром наоборот: ходил на цыпочках, чтобы не разбудить.

Опять знакомая мелодия и тот же номер! Надо же, какая упорная дама. Отвечать не буду, Вам Игорь нужен, ничем помочь не могу. И вообще, не грузите меня, у меня разгрузочный день. Постный борщ и холостой вечер.

Порядочный человек чужие письма не читает и чужие трубки не берет. Кстати, о порядочности. Вышел как-то из института зимой, иду к машине, слышу: Мужчина! Мужчина, стойте! Обернулся. Женщина поскользнулась, кулек порвался, все рассыпалось – яблоки, капуста. Она все это со-

бирает. И видит, что я вижу. Отворачиваться неудобно, подошел, поднимаю яблоки, а у нее другого пакета нет, принес из машины. Собрали урожай, все не помещается. Она мне в руки кочан капусты сует, и жалобно так: мужчина, помогите донести, один квартал... Я, конечно, подвез. Оказалось, три. Потом между домами, налево-направо, за угол. Пока обратно выруливал, за столбик зацепился, машину поцарапал. А все из-за чего? Из-за ложного чувства порядочности.

Не пропустить бы тираж, включу-ка телевизор заранее. Опять политика. Выборы. Наобещают каждой бабе по мужику, каждому мужику по две бабы. У лжи короткие ноги, но память у людей еще короче. Игорь интересно рассказывает, как пчелы голосуют. Почти как люди, только результаты подтасовывать еще не научились. Все за новую матку проголосовали – старую убили. А если голосов поровну, то желающие остаются со старой, а остальные улетают с новой. Матриархат. Насекомые все-таки. Куда им до нас.

А вот и тираж. Началось. Так. Так. Таааак...Ещё. Ага. Да. Ура! Вы-игр-рал! Вы-иг-рал! Все выиграли, и дембель, и сынок мой бестолковый, и степень кандидатская, и должность тяжелая, и свадьба первая, она же единственная. Пять из шести. Эх, черт, с разводом промазал. Хотя сорок первого числа развестись было практически невозможно. Но пять номеров – это, как ни считай, а меньше десяти тысяч хороших денег не получится.

От радости я чуть не схватил в объятия телевизор, но во время остановился – тяжелый... Коробка с пазлом стала моим бальным партнером. Кружа ее по кухне в ритме вальса, я подумал, что, похоже, это она принесла мне удачу. Спасибо, Джоконда! Без тебя как-то не складывалось.

А ведь ей и самой когда-то повезло – мог же Леонардо другую Мону изобразить. И мне повезло, что не забыл карточку заполнить, вот было б обидно – я ведь одни и те же числа зачеркиваю. Ну, на эти больше ставить не буду, теорию вероятности не обдуришь. Ничего, другие даты жизнь подскажет.

Что ж, за успех, надо выпить! Я бы и тебе Лиза налил, но знаю, что откажешься.

Ни одна женщина не догадывается, как мужику нужна победа. И чем больше, тем лучше. Вот сейчас машину-старушку подрихтую, все починю-заменю, а то в последнее время я у нее деньги одалживал, на ремонте экономил. А может, наоборот? Новую куплю. Ну, не новую, а поновее. И в квартире ремонт сделаю, а то метры есть, а комфорта мало. Пашке компьютер самый навороченный, чтоб весь курс завидовал. На работе никому не скажу. Даже Игорю, а то сразу одалживать будет на новые улы, пчел ему не хватает. А экономке? Скажу, но попозже, когда все потрачу. Как говорил покойный отец: мудрый – это умный в рассрочку.

Нет, неправильно... Приглашу любительницу готовить на чужой кухне в ресторан. Вместе с лекаршей из лазарета. Пусть пообщаются. Посоревнуются в честном бою.

Какой же я молодец! Горжусь своим упорством! Как-то с Пашкой разговор случился на философские темы: почему, говорит сын мой, гордость это хорошо, а гордыня смертный грех, причем первый в расстрельном списке? «Крошка-сын к отцу пришел, и спросила кроха». Потому, отвечаю, что от гордыни все беды на земле. Войны, перевороты, измены. Кстати, не только христианство, все религии призывают к смирению. Ислам в переводе с арабского «покорность», идея буддизма – избавьтесь от желаний, и вы избавитесь от страданий. Пашка задумался: А прогресс? Эволюция, в конце концов? У амебы проснулась гордыня стать инфузорией-туфелькой, и все завертелось? Потом говорит: Тебе не кажется, что это те, кто всего добился, говорят остальным – вам не надо. Тем более, что на всех не хватит. И за ограничение рождаемости борются те, кто уже родился. Тут я ему конкретные советы по рождаемости стал давать, и философскую нить мы утерjali. Может, и хорошо, что утерjali. Пусть желает. Кому нужна жизнь без желаний? Лучше желать и страдать, чем блаженствовать, как овощ, пока тебя в борщ не бросили.

Опять "Love story"! Ладно, отвечу. Я теперь добрый.

Голос у девушки был нежным, мягким и вкрадчивым.

Вначале объяснял ей, что я не Игорь, ничего никому не обещал и в рестораны хожу редко, только по знаменательным поводам, а потом сообразил, что зовёт она меня не на ужин, а на презентацию турагенства, с фуршетом, где будет разыгрываться поездка в Париж... Начало презентации через час. Странно, но я согласился.

Почему – трудно сказать. Собирался ведь пазлом заняться... Что на меня повлияло? Вкрадчивый голос? Выпитая водка? Внезапный выигрыш?

Водки-то я совсем мало выпил. Правда, натошак. КПД выпитого натошак всегда высокий. С утра не пробовали? Нет, не похмеляться, а сто грамм перед работой? Я тоже никогда не пробовал, пока не отравился. Друзья посоветовали – проснёшься, размешай в ста граммах водки чайную ложку соли и залпом. Двойной эффект: прекрасное настроение и здоровый желудок. А пить и закусывать, это как жать на газ и тормоз одновременно. Но все события люди по вечерам отмечают, нет, чтоб за завтраком.

Нет, это выигрыш мне энтузиазма добавил.

А что? Фуршет, презентация, туры будут разыгрывать... Ясное дело – пиарятся и залежалые путевки продают. С другой стороны, сколько же там интересных людей будет, которым в Париж хочется! И я всю жизнь об этом мечтал... Понятно, что не выиграю два раза в один день. Не выиграю, так куплю поездку.

А что мне машину-то менять? Нормально ездит, и квартира уютная. Нет-нет, Пашке компьютер куплю обязательно. А на остальные деньги – во Францию. Вдруг мне на фуршете кто-то понравится. Приглашу на чашечку кофе. И не на кухню, а на Эйфелеву башню. Им же, претенденткам, наверно, не только магазины интересны, но и музеи не чужды. И никто там меня не знает. Можно историю болезни с нуля начинать. Это я про любовь так шучу.

Ради такого случая костюм с галстуком надену. Хорошо, что я его вчера не развязал. Так завязывать и не научился. Раньше это жена делала, теперь Игорь на работе.

Вот так всегда: планируешь одно, а получается разное. А с другой стороны, как французы говорят – все, что ново, то прекрасно. А то от разговоров с самим собой не далеко до занятий любовью с тем же собеседником.

Лиза, отпустишь меня на твои жилищные условия посмотреть? Опять улыбаешься? Все говорят, что твоя загадка в улыбке. А мне другое любопытно. Какие у тебя ноги? Наверное, красивые. Иначе не стал бы тебя Леонардо рисовать.

Интересно, та, которая звонила, Игорю просто знакомая, или как? У него, кстати, этих «или как» почти как пчел. Как-то спрашивает меня: знаешь, что такое вечность? Это время между тем, как с женщиной переспал и посадил ее на такси. Циник. Но что интересно – женщинам нравится.

Ему сорок пять, женат не был, все твердят: женись, как же ты без детей! А у него любимый анекдот: сбежал мужик с каторги, поймали, следователь интересуется: Чего бежал? – Жениться хотел. Следователь задумался: Странное, говорит, у тебя представление о свободе.

Целую теорию придумал: мужчина животное полигамное, природа так задумала, а женщина – наоборот. Вот семья львов, сколько их там? Один глава, несколько самок, общие дети. И у мусульман похожее, а это четверть мира. Главное, чтобы честно. Никто же этой, в парандже, не говорит, что она будет единственной. И Игорь не обещает под венец вести. Натуральный промискуитет... Я когда с этим словом первый раз встретился – смысл уловил, а значение не понял. Думал от английского promise – обещать куитет, то есть ничего не обещать. А оказалось, что это “стадия ничем не ограниченных отношений предшествовавших институту брака и семьи”. Не поленился в словарь залезть.

Вообще мужчины делятся на тех, кто любит женщин, и тех, кто любит женщину. Я, наверно, отношусь ко второй категории. Может, моё время ещё не пришло. Возраст полигамный не наступил, а может, уже прошёл, а я и не заметил. Пойду вторую половинку искать. Цельность надоела, опять в дробь потянуло.

Как я выгляжу? Ну-ка зеркальце, скажи... Мама дорогая!
Согревающий пояс опять не снял.

Вот, теперь я готов к фуршету.

А как быть с борщом? В холодильник нельзя. Пусть остывает. Настаивается. Любите вчерашний борщ – приходите завтра.

А я – а вдруг так случится, что мы – сегодня придём. Но это будет уже другая отдельная история.

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ

(город Бостон, США)

Сохраню

Мы с двух сторон над той же пропастью во лжи,
и нас друг к другу не приблизишь, хоть умри.
Я сохраню тебя в формате джей пи джи,
я сохраню тебя в формате эм пи три.
Мир полон счастья. Птиц взволнованный галдёж –
как дробь горошин в гладь оконного стекла...
Здесь в виде рифмы так и просится: "Не ждёшь" –
что будет правдой. Рифма здесь не солгала.
Судьба бестрепетно вращает жернова.
Когда ж становится совсем неумогу,
то пустота преобразуется в слова,
а те, взлетая, вновь уходят в пустоту.
В ладони – вишни, а в стакане – "Каберне",
заходит солнце за разнеженный лесок...
А мысль о том, что ты не помнишь обо мне,
голодной думою вгрызается в висок.
Кому пенять, что не совпали два пути,
что рухнул дом, как будто сделанный из карт...
Я сохраню тебя в формате эйч ар ти,
что, как известно, сокращенное от "heart".

Излечение

Осень – странное время. В нем трудно искать виноватых.
 Улетают надежды, как дикие гуси и Нильс...
 Дождь проходит сквозь сумрачный воздух, как пули сквозь вату,
 бьет аллею чечеточной россыпью стреляных гильз.
 От скамейки к скамейке, подобно пчелиному рою,
 мельтешит на ветру жёлтых листьев краплёная прядь...
 Я, возможно, однажды свой собственный бизнес открою:
 обучать неофитов святому искусству – терять.
 И для тех, кто в воде не находит привычного брода,
 заиграет в динамиках старый охрипший винил...
 Я им всем объясню, как дышать, если нет кислорода;
 научу, как писать, если в ручках – ни грамма чернил.
 Я им всем покажу, как, цепляясь за воздух ногтями,
 ни за что не сдаваться. Я дам им достойный совет:
 как себя уберечь, оказавшись в заброшенной яме,
 как карабкаться к свету, завидев малейший просвет.
 Нарисую им схемы, где следствия есть и причины,
 и слова подберу, в коих разум и сердце – родня...
 Я себя посвящу излечению неизлечимых,
 ибо что, как не это, однажды излечит меня.

Снег

Снег идёт и идёт. Ни запрета ему, ни этики.
 Снег идёт и идёт, возведённый в квадрат и в куб.
 У зимы на лице – ни малейших следов косметики,
 лишь нетающий иней на тоненькой нитке губ.
 С ней сражаться – как в гору, на пик колесо везти:
 колесо ускользнёт. Вновь начнёшь, как Сизиф, в низах...
 Снег идёт и идёт. Ни стыда у него и ни совести.
 Да от белого, вечного белого – резь в глазах.
 Мы мечтаю о лете с тобою навек обмануты.
 Лета больше не будет. И лучше о нём позабудь.

А пока – в ледники вплоть до бивней вырастают мамонты,
 и в термометрах – там, за окном – замерзает ртуть.
 В небесах – ни вечерней звезды нет, ни солнца рыжего.
 Снег идёт и идёт. Нагло лезет в дверной проём...
 Снег идёт и идёт. Но мы выживем. Точно выживем,
 только надо быть ближе. Ближе. Совсем вдвоём.

***

Будет солнечный луч разрезать, словно лазер, гамак,
 будет время ползти колымагаю из колымаг,
 будет плющ на стене прихотлив, как движение кобры.
 И не станет границ меж понятиями "то" и "не то",
 на мигающий желтый по трассе промчится авто,
 кот почешет о дерево старые тощие рёбра.
 Невозможно поверить, что это и есть пустота,
 ведь нейроны твои регистрируют звук и цвета,
 и вдыхаемый воздух наполнен весной и прохладой.
 Но тебя подменили. Ты тусклая копия. Клон.
 Жизнь в тебе существует, но вяло ползёт под уклон,
 и оброком становится то, что казалось наградой.
 Вариантов не счесть: можно в синее небо смотреть,
 можно в микроволновке нехитрый обед разогреть,
 полежать, наконец, на продавленном старом диване,
 безнаказанно вжиться в любую привычную роль...
 Но в тебе изнутри гангренозно пульсирует боль,
 как в подопытной жабе под током Луиджи Гальвани.
 И отчаянно хочется думать о чём-то другом.
 Сделай музыку громче. Пускай наполняет весь дом
 голос мистера Икс или, может быть, мистера Отса...
 Только свет не проходит сквозь шторы опущенных век.
 Ничего не случилось. Всего лишь – ушёл человек,
 не оставив и малой надежды на то, что вернётся.

ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЁВА
(село Нарышкино, Нижегородская область)

***

В морозный вечер вновь из дома вышла я.
В лесу заснеженном брожу одна.
Мне светят звезды, и дорогу вшила
Из серебра и жемчуга луна.

Как кружева, висят узоры инея,
Туман морозный и ночная тишь.
Земля моя, ты, как загадка зимняя,
Источник скрытых сил в себе таишь.

На целом свете нет родней, красивее!
И сердце гордой радостью полно:
Как хорошо, что родилась в России я
И что мне жить в России суждено.

***

Сирень и яблоня, и вишня
Под окнами стоят в расцвете сил,
Шумят о том, что стало чувство лишним,
Которое так щедро ты дарил.

И наши дни, сгорая в жаркой страсти,
Светились, как янтарное вино,

Не потому ли так мгновенно счастье,
что слишком упоительно оно?

Теперь в былое веря и не веря,
Встречаю одинокую зарю,
И на святую троицу деревьев
Уже без ожидания смотрю.

За грибами

Россия...Раскинулись дали.
Идешь за грибами ты в лес.
Протяжным дождем зарыдали
Печальные очи небес.

Ты скройся под кроны густые,
В лесной первозданный шатер:
Здесь мысли приходят простые,
Душа ощущает простор.

Шумела промозглая ярость,
Простужено лето насквозь.
Мы ждали тепла хоть на малость,
А с неба лилось и лилось.

Вдруг капли стучать перестали,
И ветер в ветвях пробежал,
Озябшие листья шептали,
И кто-то тебе вдруг сказал:

«Опавшие влажные листья
Рукой, наклонясь, разгреби –
И ткнутся прохладны и чисты
Слепыми щенками грибы».

И с этого мига, наверно,
Навеки пронзила тебя
Прекрасного мира мгновенность
С мгновением каждого дня.

И, не превращая в присловье
Название лесной стороны,
Ты вновь повторяешь с любовью
Священное имя страны.

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

(город Павлово, Нижегородская область)

Вид из окна

На заборы, дома, обнажённые липы
кто-то сыплет с небес потрясающий снег.
Словно добрую весть, как ответ на молитвы,
точно кто-то ещё, там, превыше нас есть .

Не забыл, не устал, создавая, поверив,
что услышим, поймём эту сказку без слов,
просто так, оттого, что в снежинках пастельных
есть улыбка и смех, и ни капельки слёз.

Потому что легки и, почти нереальны,
из причуды, в пылу, сотворённые так,
эти бабочки чувств, в белых пёрышках бальных,
оттого, что наш Бог – он шутник и чудак.

Мы прильнули к стеклу, мы глядим и хохочем,
и я чувствую вдруг, как спадает на «нет»
и обида, и страх, и шепнуть кто-то хочет,
что прекрасней и сказочней времени нет!

На дорогу внизу и на мальчика в куртке,
на машины, собак, на прохожих – на всех
упадёт, снизойдёт, что-то доброе будет,
что-то чистое, белое, как этот снег.

***

Слово – оно всегда серебро.
Я же, как Ева – я чьё-то ребро.

Если ребро заболит, засвербит,
то серебро через бреши сквозит.

Встречный мужчина, увидев ребро,
как закричит: – Серебро! Серебро!

Эй, ты, ребро, ты ко мне подойди!
Ты и меня серебром залуди!

Станет ребро от обиды пестро.
Станет, с негожих словечек, остро:

– Очень ребряные песни мои.
Больно чернеют они без любви.

Но, окрылённое чувством простым,
даже ребро может стать золотым.

И покатилося – «ребри да ребрам».
И полетело навстречу ветрам.
...В небе ребро золотое поёт
и никому себя не отдаёт.

С ветром смеётся светло и хитро –
это его золотое ребро.

Цикорий

Смерти-то нет. И плохое не в счёт.
Всё потому, что цикорий цветёт.
Будто колыхается синее море –
самый простой придорожный цикорий.
Словно спустилось небесное в дол,
пятнами сини на мамин подол –
мама с серпом замерла у ворот.
А вдоль дороги – цикорий цветёт.
Мама цикорий тот сжать пожалела –
так вот стояла и, молча, глядела –
словно вдоль дома – небесный прибой.
А у прибоя – соседка с козой.
– Жнёшь, Валентина?.. Бог помощь тебе.
И уступает дорогу козе.
Ну, а козе – благодать, как в раю –
тянет к цикорию морду свою.
Мама ни слова не может сказать.
Небом плывёт, мимо них, благодать.
Смотрит – как цветень рогатая рвёт,
как натянулась верёвка её...
Будто душа прикоснулась огня.
«Съела цветы. И пошли от меня.
Я ж пожалела – не трону цветки...
Было – не стало – одни стебельки.»
Светел небес запредельный цикорий.
Жизнь истончилась с подобных историй.
Мамы три года почти уже нет.
А вдоль дороги – лазоревый цвет.
Будто на небо лазейка иль дверца.
Напоминанье для детского сердца.
Мама цветы за красу пожалела...
Уж не тогда ль её синь приглядела?..

ВАСИЛИЙ СОЧНЕВ

(Нижний Новгород)

Не зови, не вернусь

Не зови, не вернусь, ухожу по дорогам ухабистым,
По нехоженым тропкам в родимую Русь.
Я с характером резким моим, непокладистым,
Всё равно для тебя не гожусь.

Мне себя переделывать стоит ли?
Да вряд ли сумею на травном лугу!
Не любить, променять моё русское поле
На любые богатства – никогда не смогу!

Не напрасно в стихах нам с тобой моих слышится
Деревенская, гордая складность моя.
Знаешь, сердцу там легче дышалось и дышится,
мою душу с природой родня!

Чегемское ущелье

Шатёр потомков Чингисхана
Стоял на золотом холме Кавказа.
Храня просторы гор, предгорья,
Держа в узде свободных горцев,
Потомков Адыгеи, осетинов,
И как зияющая рана
Томились поколенья Божьего намаза.

Уйдя в ущелья, в горы и на взморье,
Бежали с ними вместе звери,
Спасая шкуры от неверных.
Чегемское ущелье было всем дорогой –
Укрытием безопасным для ночлега...

А склоны водопадов хрустальную рождали реку,
Следы страданий оставляя
На горных тропах и на скалах,
Спешили к бедному народу,
И утоляли жажду равных перед Богом!
Неся спасенье равным пред природой
Огни Казбека и Эльбруса.
Умерены врагом набеги, непокорённые народы
Могущество природы прославляют.
Нам доставляя восхищенье!

***

Моя бескрайная страна!
Пейзаж разнообразного рисунка.
Ты каждому, такой как есть, дана,
Как жизнь сама, как тайна тайн задумка...

Как не любить тебя, чуть-чуть грустя –
сынам и дочерям большой Отчизны?
Ты многолика, но едина вся,
Дороже всей дороговизны!

ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН

(город Петрозаводск, республика Карелия)

***

Пока отвергнут и гоним,
Печален, беден и без крова,
Тогда толпою ты любим
И удостоен добрым словом.
И если встанешь в общий ряд,
Прикрывшись общею судьбою,
Тебе помогут и простят
Несовершенное тобою.
Но если в каменных углах
Сумел еще не только выжить,
И если в сделанных делах
Окажешься сильнее и выше –
То, как весенняя река
Пренебрегает берегами,
Так чья-то теплая рука
Возьмет с земли холодный камень.
Не усмирить постами плоть.
И легче жить больной и слабой?..
Не накажи меня, Господь,
Земным богатством или славой.

***

Погасло пламя нервное к утру.
И на губах истаяла молитва...
И плачет по-сиротски на ветру,
Вздыхает жалобно в бессоннице калитка.
Мой горький день, отгомонив, иссяк,
Полгоризонта подпалив закатом,
И беглых птиц трепещущий косяк,
И белый локон в облаке кудлатом.
Когда уходит самый первый друг,
Из настоящего становится он бывшим.
Но ощутишь не сразу и не вдруг
Его уже забытым и забывшим.
А где-то слышится кукушкин плач,
Хоть ей по кукушатам плакать поздно.
И воспаленный ветер, как палач,
Заламывает ветви соснам.
Но от любви уже я не умру.
Моя душа – как в панцире улитка.
И, всхлипывая, бьется на ветру
Не запертая с вечера калитка...

***

Мерцает чеканка из звездной жести
И на судьбу нервный ветер ропщет
Не впечатляют вялые жесты
Уже ослабевшей ворчливой рощи.
Не впечатляет цветок увядший,
Как дятел усердный, но безголосый.
Осень платок паутиновый вяжет,
Чтобы не выглядеть простоволосой.
Странное дело, – что ей до приличий? –
Сползает с плеча обветшавшее платье.

И рвется шитье на парчовой заплате –
Что от бывшего осталось величья?
И словно в угоду изменчивой моде,
Истлели восторги и впечатленья,
Вмиг превратившись в груды лохмотьев,
Которые топчем без сожаленья.
А может, спокойней, уютней и проще
Быть птицей невзрачной
в зашторенной клетке?
... Но плещутся звезды упавшие в роще
И окропляют скорбные ветки...

***

Сердце свое закрою
И забинтую душу.
Заиндевелой кровью
Тлеющий гнев затушен.
Скользкое лезвие взгляда
Вспороло живую кожу.
Ненависть так всеядна,
Непримирима, безбожна.
Смирись, вдохновение мести!
Свернись безобидною змейкой.
Прохожий, присядем вместе
На вымокшую скамейку...

Содержание

ДМИТРИЙ ЛАРИОНОВ

Шественик	2
Перспектива	2
Осознание	3
«На этих землях – так уже четвертый год...»	4
«Финальный твит...»	5

ОЛЕГ РЯБОВ

Темучин	6
Г. Красникову	7

ИРИНА ДЕМЕНТЬЕВА

Сердце города	8
---------------------	---

СВЕТЛАНА ЛЕОНТЬЕВА

Антипушка	10
-----------------	----

АЛЕКСАНДР ЛОМТЕВ

Пепел памяти	72
--------------------	----

АЛЕКСАНДР МОРДАНЬ

Отдельная история	79
-------------------------	----

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ

Сохраню	95
Излечение	96
Снег	96
«Будет солнечный луч разрезать...»	97

ВАЛЕНТИНА ПОНОМАРЁВА

«В морозный вечер вновь из дома вышла я...»	98
---	----

«Сирень и яблоня, и вишня...»	98
За грибами	99

ЛАРИСА БУХВАЛОВА

Вид из окна	101
«Слово – оно всегда серебро...»	102
Цикорий	103

ВАСИЛИЙ СОЧНЕВ

Не зови, не вернусь	104
Чегемское ущелье	104
«Моя бескрайняя страна!...»	105

ЕЛЕНА ПИЕТИЛЯЙНЕН

«Пока отвергнут и гоним...»	106
«Погасло пламя нервное к утру...»	107
«Мерцает чеканка из звездной жести...»	107
«Сердце свое закрою...»	108

Витан – напитки и сиропы нового поколения!

Как все просто!
 Пьешь напиток, получаешь удовольствие и даже не задумываешься, что в это время помогаешь своему организму быть здоровым!

«Витан-1»
 экстракты чабреца, миты, мать-и-мачехи и зверобоя – на сахарном сиропе
 ↓ снижает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний;
 ↓ улучшает состав крови;
 ↓ защищает организм от высокой соленой активности;
 ↓ способствует поддержанию остроты зрения при постоянной работе на компьютере.

«Витан-2»
 экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной, концентрированный яблочный сок – на сахарном сиропе
 ↓ уменьшает развитие злокачественных раковых; ↓ способствует восстановлению обезвреживающей функции печени после тяжелых заболеваний; ↓ общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
 ↓ улучшает состояние сосудистой стенки у курильщиков и при заболевании вен;
 ↓ повышает адаптацию школьников к учебному процессу.

«Витан-3»
 экстракты чабреца, зверобоя, миты – на сахарном сиропе
 ↓ повышает устойчивость к инфекциям при заболевании бронхолегочной системы;
 ↓ создает основу для эффективного лечения воспалительных изменений глаз;
 ↓ уменьшает риск развития ишемической болезни сердца;
 ↓ ускоряет процессы восстановления организма после стресса, перенесенных острых респираторно-вирусных заболеваний и гриппа.

«Витан-спорт»
 экстракты чабреца, миты, мать-и-мачехи и зверобоя – на фруктозном сиропе
 ↓ состав идентичен составу «Витан-1»
 Рекомендуется употреблять:
 ↓ после спортивных тренировок и особенно тем, для кого спорт – это профессия;
 ↓ включать в рацион питания при прохождении комплекса программ по снижению веса;
 ↓ тем, у кого нарушение углеводного обмена;
 ↓ при заболевании желудочно-кишечного тракта на фоне пищевой аллергии.

«Витан-чай» («Русский чай»)
 экстракты Иван-чая (кипрей) – на сахарном сиропе
 ↓ успокаивает нервную систему, улучшает сон;
 ↓ нормализует давление;
 ↓ восстанавливает слизистые оболочки;
 ↓ восстанавливает силы при истощении;
 ↓ устраняет головную боль;
 ↓ благотворно влияет на иммунную и эндокринную систему.
 * Историческая справка: Иван-чай упоминается в хрониках XII века. Как халосский чай его поставили за границу и назвали русским чаем.

«Витан-эликсир»
 экстракты чабреца, коры дуба, рябины красной – на сахарном сиропе
 ↓ общеукрепляющее средство при проживании на экологически неблагоприятных территориях;
 ↓ уменьшает симптомы радиальной интоксикации;
 ↓ используется в косметологических программах омолаживания для уменьшения морщин.

«Витан-Аква» олимпийский
 подготовленная вода, экстракты чабреца, миты, мать-и-мачехи и зверобоя (без сахара, подсластителей и консервантов)

Достаточно одного стакана в день!
Восстановление организма в стрессовых ситуациях (система природных антиоксидантов).

Гран-При
 постоянно высокое качество.
Удовольствие жить!

ББК 84 (2 Рос-Рус) 6-5
Л47

Литературно-художественное издание

ТРЕТЬЯ СТОЛИЦА

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: С.Г. Леонтьева

Редактор: Н.А. Пчелин

Редколлегия: К.П. Казаков, С.Г. Леонтьева,

М.В. Шувалова, Н.А. Пчелин

Верстка: С.Н. Ерохин

Отпечатано в типографии «Печатный дом «Вариант».

Нижегородская область, г. Богородск

тел. (83170) 2-49-97

моб. 8-910-874-52-44